

КОРРЕКТИРОВКА

ВАДИМ ЛЕДОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Ледов

Корректировка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70272397

SelfPub; 2024

Аннотация

Тебе за семьдесят и жизнь, в общем-то, прошла. Но вдруг открывается дверь, на дворе 1972 год и ты опять молод, полон сил и надежд. Зачем, почему, кто дал тебе такую возможность? Прочь вопросы! Потом разберемся. Окунаемся в начало семидесятых. Смотрим, что из этого вышло.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	91
Глава 4	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Вадим Ледов

Корректировка

Глава 1

Деревянные ступеньки скрипели под ногами, пахло пылью, кошками и борщом.

– Повезло вам, – в который раз начала агитацию риелторша Ирина, активная тетка неопределенного возраста с маленькой головой и стремительно расширяющимся книзу туловищем, – только сегодня заявка на сдачу появилась, вас первого веду. А цена! По таким деньгам разве что комнату снять, а тут отдельная квартира... – она поднималась на три ступеньки ниже меня, словно опасаясь, что клиент сбежит, так и не увидев свалившегося на него сокровища. – Дом, конечно, старый, но квартиры типовые. Зал большой. Даже балкон есть. Да сейчас сами увидите! А место-то какое прекрасное – престижный район!

Квартал двухэтажных деревянных домиков смотрелся маленьким кусочком деревни среди городской застройки. Заросший травой двор с какими-то покосившимися сараями, палисадники с грядками. Бабки на облезлой скамейке лузгают семечки. Рядом чинно восседает старая лохматая дворняга. На завалинке разлегся бандитского вида рыжий кот.

– За такие деньги разве что комнату снимешь... – неутомимо повторяла Ирина свои аргументы, – или где-нибудь на отшибе квартирешку. А тут рай, просто рай! Место, залюбуешься, в квартире все удобства, зимой тепло! Стены деревянные дышат, это вам не бетон! А то что старый... так пятьдесят лет стоял и еще простоит. Вы ж тут не всю жизнь собрались жить. На год снимаете? К тому времени, небось, не завалится, – она, захихикала над своей шуткой. Смех у нее был жидкий, булькающий.

Второй этаж. Пришли. На площадке две двери. Между ними электрощиток запертый на висячий замок. Мы остановились перед левой дверью с номером три. Так себе дверца, фанерная, со времен царя Гороха не меняли. Хотя, воровать у меня все равно нечего.

– А соседи кто? – спросил я, прислушиваясь к невнятному бормотанию за дверью соседней квартиры, – не трудовые, случайно, мигранты?

– Да бог с вами! – изображая удивление, Ирина хлопнула себя по могучим бедрам, отчего куколь на ее затылке качнулась из стороны в сторону. – Здесь одни пенсионеры живут. Сами ж видели. Тишь да гладь, и божья благодать!

Она не стала жать кнопку звонка, а деловито отперла дверь извлеченным из сумки ключом.

– Проходите, не стесняйтесь.

– А где же хозяйева? – поинтересовался я.

– А нет хозяев, – радостно сообщила риелторша.

– Как так, иногородние что ли?

– Ну, типа того, – не стала она вдаваться в подробности. – Так это для вас дополнительная выгода! А то бывает, попадетя какая-нибудь вредная бабка и ходит потом, проверяет свою рухлядь по нескольку раз в месяц. Оно вам надо?

– А платить как же?

– А платить через банк. Реквизиты я вам дам... как договор подпишем, так и дам. Ну, проходите, смотрите.

Квартира оказалась двухкомнатной, но вторая комната заперта. От того и сдавалась как однешка.

Я оглядел зал. Выцветшие обои, линолеум волнами, крашенный потолок в трещинах, щербатая люстра с «хрустальными» висюльками. Из мебели: унылый коричневый диван истертыми неведомыми задницами, такое же кресло. Между ними облезлый журнальный столик. Покосившийся платяной шкаф, с треснутым зеркалом. На стене картина-мазня: горный водопад в окружении ядовито-зеленых елочек. В правом углу притулился старинный черно-белый телевизор на длинных ножках.

Когда я заглянул на крохотную кухню, древний холодильник ЗИЛ – Москва затрясся и приветливо заржал, словно радуясь новому знакомству. На нем опасно раскачивался пыльный кактус.

Не квартира, а какая-то лавка старьевщика.

– Ну что, – нетерпеливо поинтересовалась риелторша, – снимать будем?

Я задумался. Квартирка, конечно, похабная. Но, с другой стороны, права Ирина, за такие деньги ничего лучшего не найдешь, тем более в нормальном месте. Повезло, можно сказать. Все магазины рядом, вокруг тихие зеленые улочки. Буду гулять по аллеям, сидеть на лавочках под липами, смотреть на симпатичных мамашек с детьми, кормить голубей, пить пиво наконец. А еще – родился я и вырос в этом районе, так что ностальгия и все такое прочее прилагается.

– Согласен, – решил я. – Сейчас еще только санузел гляну.

– Конечно, конечно! Глядите, смотрите, вам здесь жить... а я пока на кухне договорчик заполню. Паспорт позвольте ваш. Ага... – начала записывать она круглым девчоночьим почерком, – заказчик... Романов Петр Федорович... да мы с вами тезки, я ведь тоже Федоровна!.. так... Пятьдесят первого года рождения... номер паспорта... серия... выдан...

* * *

Щелкнул замок, и Ирина Федоровна покинула квартиру, оставив мне экземпляр договора, ключи и неожиданную дыру в бюджете размером в десять тысяч рублей.

– Ну как же так, тетка, дорогой вы мой человек, – укоризненно поджала она губы в ответ на мою вялую попытку возразить, – ну вот же в договоре написано: Стоимость услуг исполнителя по договору согласовывается сторонами по каждому предложенному объекту отдельно... Поскольку объект является высоколиквидным, – продолжила она уже своими

словами, – стоимость услуг определена в размере месячной арендной платы.

– Ну, говорили же, что пятьдесят процентов, – бормотал я, уже сдаваясь.

– Кто говорил, Петр Федорович? Кто это слышал? Кто видел? Впрочем, воля ваша, можете отказаться. Но квартирка классная, и, между прочим, хозяева залог не требуют! Улетит вмиг. Я ведь для вас ее придерживала... Жалеть потом будете! Ох, будете жалеть!

Столько напора и железной уверенности было в ее словах, что я безропотно достал портмоне и отсчитал вымогательнице требуемую мзду.

* * *

Крыса ты, Ирина Федоровна, хоть и тезка! – без особой злости подумал я, глядя в окно на ее удаляющееся туловище с куколем на макушке. Да и тезка-то липовая, по липовому паспорту.

На самом деле меня зовут Феликс Константинович Неверов.

Вы возможно спросите, как я докатился до такой жизни, что на старости лет мыкаюсь по съемным квартирам и живу по чужим документам? А я вам отвечу: ничего удивительного в этом нет если знать историю моей жизни. А она, жизнь моя, делится, на три неравных части.

Первая часть, была правильной, даже образцовой. Счастливое пионерско-комсомольское детство. Все давалось мне

легко. Учеба сперва в обычной, а затем (благодаря победам на областных и союзных олимпиадах) в специализированной школе при Университете. Затем сам Университет, с красным дипломом по окончанию, аспирантура, женитьба по любви, развод, защита кандидатской диссертации, хорошая работа, вторая женитьба (по расчету – папа-академик), квартира, машина. Научная карьера уверенно шла в гору. В девяносто первом году я уже был молодым доктором наук и замдиректора закрытого НИИ с перспективой скорого членкорства. Лаборатория моя занималась космической тематикой – разрабатывала ракетные двигатели малой тяги. Такие используют для ориентации космических аппаратов. Видали, наверное, телевизионную картинку, где какой-нибудь «Прогресс» готовится к стыковке с МКС? Вокруг круглой туши приближающегося корабля то и дело пшикают струйки реактивных выхлопов, направляя тяжелую махину точно в цель – в этом есть заслуга и вашего покорного слуги.

Но вот настал девяносто второй. В один миг из уважаемого, обеспеченного, уверенного в своем будущем человека, я превратился... ну не в нищего, конечно, но в кого-то близкого к ним по сути.

Институт наш, как это ни странно, приватизировали. Директора, старого академика, выпнули на пенсию – не нужен он был новым хозяевам. Меня оставили и даже предложили занять его должность, но что в том проку если три четверти Института уже были сданы в аренду под офисы и склады и

столько же сотрудников уволено. Оставшиеся получали сущие копейки. Какая уж тут наука. Все космические разработки были свернуты, а нам предложили... утилизировать ракетное топливо – гептил. Дескать, много его и никому оно теперь не нужно.

Заниматься профанацией, тем более за еду я не захотел, и ушел из науки. Многие ученые тогда уезжали работать за границу, но благодаря уровню допуска я был лишен и этой возможности. Я перебрался из Новосибирска в Москву, и началась вторая, «неравновесная» часть моей жизни, связанная с коммерцией.

Следует признать, я достиг неплохих результатов и даже стал долларовым миллионером. Роскошный дом, виллы, яхты, лимузины. Седина в бороду – бес в ребро, развод со старой женой, оставшейся в Новосибе, женитьба на новой – молоденькой юрисконсульте, годящейся в дочери, рождение настоящей дочери, словом, все в шоколаде.

Но достичь – это одно, удержать совсем другое. Как говорится в анекдоте: концепция изменилась – мы обосрались. Мой друг со студенческой скамьи Коля Смирнов, с которым мы вели с самого начала наш бизнес, связался не с теми людьми. Я был категорически против, но он меня не слушал, вообразил себя финансовым гуру.

Новые компаньоны сперва стлали мягко, да потом жестко стало спать. Кинули раз, кинули два, поменяли состав акционеров и бизнес забрали. Мы еще и должны им остались.

Продали всё. Не хватило.

Офигевший от отчаяния и кокаина Коля, влез в совсем уже рискованную сделку, взявшись быть посредником между банком и одной якобы солидной фирмой, желающей взять большой кредит. Кредит дали, а фирма испарилась. Коле (и мне за компанию) пришлось иметь дело с обвинением в мошенничестве в особо крупных размерах и, что гораздо хуже, бандитской крышей кинутого банка. Бандитам ведь не объяснишь, что я ни ухом, ни рылом о Колиных проделках. Работали вместе, значит, и отвечать вместе придется. Сказали: ищите бабки, иначе сами знаете, что.

На поиски дали неделю. Я не стал медлить и, воспользовавшись помощью друзей-ученых, срочно переправил семью к ним в Штаты, а сам сбежал в Обнорск, лег на дно и не булькал. То же самое предложил сделать и Коле. Но он не захотел. Сказал: придумаем, что-нибудь, сейчас, мол, не девяностые, не стреляют. Его и не застрелили, сперва долго били, а потом надели на плечи автомобильную покрывку, облили соляжкой и подожгли.

А меня не нашли, хотя искали. Долго искали. Возможно, и по сию пору ищут, я не проверял и желания такого не возникало.

Так началась и продолжается по сию пору третья часть моей жизни – «никчемная».

Живу в тени, опасаясь привлечь к себе внимание. Скитаюсь по съемным квартирам. Дольше года еще ни на одной не

задерживался. Нынешняя, юбилейная – двадцатая по счету.

Жизнью это назвать сложно... скорей существованием. С тех пор нигде больше не работал и ничего путного не делал. Все идеалы мои разбиты, а целей не видно, поэтому работать не зачем, не для кого и не имеет никакого смысла. Не имеет смысла и сама жизнь моя, но и помирать не хочется, привык, понимаешь, жить.

Жена со мной заочно развелась и вышла замуж за того самого друга-ученого – он хорошо поднялся в Пиндосии. Я ее не осуждаю, чего пропадать красивой бабе? Будущего у нас все равно нет. Жаль лишь, что дочку теперь вижу только по скайпу.

Родители мои давно умерли. Отец еще в восьмидесятом (сердце), а мама пережила его на тринадцать лет. Как-то раз проснувшись, я с удивлением сообразил, что давным-давно старше отца и через год сравняюсь возрастом с мамой. Интересное, надо сказать ощущение – не из самых приятных.

Друзей у меня тоже нет, старые потерялись в суматохе девяностых, а новые постарались меня забыть. Из родни осталась только престарелая тетушка – мамина младшая сестра. Во время редких созвонов она постоянно меня жалеет. Как, мол, один живу-мучаюсь? Почему не найду себе какую-нибудь добрую женщину?

Зачем, спрашиваю я, чтоб вдвоем мучиться? Она не понимает такого расклада и снова и снова затягивает свою сказку про белого бычка. Я слушаю и уже не возражаю.

* * *

Вещи перевез на такси. Вещей было две спортивные сумки, а еще маленький телевизор и ноутбук. Бросил все это посреди комнаты и на том же такси вернулся обратно. Надо было сдать ключи хозяевам старой квартиры, а заодно и прикупить продуктов на вечер.

Когда я, наконец, закончил с обустройством на новом месте, была уже половина восьмого. Устало примостившись на колченогой табуретке между холодильником и столом, я стал пить пиво из банки, поглядывая то в окно, то на экран раскрытого ноутбука, вяло притом почитывая очередной «патриотический» форум.

Надоедливым шмелем жужжала газонокосилка. Палисадник под моим окном был красиво засажен разнообразными цветами, а у соседнего дома зарос огромными, вровень со штакетником, лопухами. На крыше мужик в драной тельняшке второй час возился с телевизионной антенной похожей на рыбный скелетик. Солнце готовилось нырнуть за верхушки недалеких девятиэтажек. По вечернему белесое небо, чертили последние стрижи.

Мысли мои текли в хаотичном порядке, одновременно по разным направлениям. Например, я думал о том, что кухонное окно выходит на проезжую часть и это плохо, потому что шумно. Но, с другой стороны, спать в кухне я не собираюсь, а окно залы обращено во двор, а там тихо, если, конечно, по ночам не собираются пьяные компании.

Еще думал, не найти ли мне все же какую-нибудь необременительную работу, например, преподавать на четверть ставки. Нет, не деньги меня интересовали, а возможность отвлечься от унылой повседневности. Все же иногда хотелось общения. Реального, а не виртуального в инете. Реальное общение с молодыми людьми придает жизни видимость смысла, в отличие от бессмысленной ругани на форумах, которая лишь увеличивает энтропию вселенной.

И, наконец, самая неприятная мысль была о том, что надо, наконец, собраться и записаться к врачу. Может чего выпишет от бессонницы. Уж больно плохо я стал спать по ночам, а от того страдаю мизантропией. Древнее народное средство – алкоголь, помогает, но ненадолго – просыпаешься в полпятого утра и лежишь ворочаешься, проклиная ноющие колени, тянущий левый бок и размышляя о бессмысленности жизни и неизбежности скорой смерти. Тьфу!

Пиво в банке закончилось и больше мне его не хотелось. Это так, размочить желудок. На ужин у меня коньяк, оливки с маслинами, половина курочки-гриль и маленькая баночка красной икры. Новоселье все-таки, да еще юбилейное!

* * *

Темнело. Завершилась, помещением в архив, очередная форумная баталия на тему крушения СССР. Участники дискуссии, местные пикейные жилеты и дальше бы обменивались оскорблениями, ссылками на труды авторитетов, и пространными, в основном безграмотными рассуждениями, но

пришел админ и прикрыл совсрач. Соперники перебрались в другие темы, а я от выпитого коньяка стал добр к людям и малость заскучал. К тому ж от курицы остались одни косточки, а зад мой расплющился о табурет. Захлопнув ноутбук, я сгрел бутылку, бокал, тарелку с оставшимися бутербродами, и поплелся к дивану.

Полночь застала меня, бездумно пялящимся в экран телевизора. Коньяка осталось на доньшке, а засохшая на бутерброде икра противно липла к зубам.

С улицы доносился шум редких в эту пору машин и гавкала какая-то сумасшедшая собака, периодически переходя на вой. Большая круглая луна тарашилась в окно. Сегодня, кажется, полнолуние и даже какое-то суперлуние. Или завтра? Встал, чтоб задернуть штору и меня ощутимо повело. О-о! Да вы, ваше благородие, нарезались! Завтра придет расплата в виде вялости, упадка сил и новых приступов мизантропии. Да, старость, не радость – в былые времена от такого количества выпитого я лишь становился веселее.

Духотища-то какая. Надо принять душ – станет легче.

Подумаю так, я побрел в ванную.

Некоторое время разглядывал свою унылую физиономию в подслеповатом зеркале. Говорят, что продольные морщины от старости, а поперечные от ума. Душ принял почти холодный.

Упругие прохладные струйки щекотали кожу, а в голову лезли несвоевременные мысли.

Говорят, что старики не следят за собой... А для чего? Женщины на меня не смотрят, мыслями моими никто не интересуется... Кому интересно, о чем я думаю, куда иду и зачем живу? Так для чего мне следить за собой и для кого? Для себя? Хреновая мотивация.

Когда-то я был фанатичным трудоголиком, мечтавшим свернуть горы и осчастливить, если не все человечество, то хотя бы свою страну, теперь стал принципиальным бездельником и циником, вечно одиноким угрюмым сычом. Жизнь, в сущности, прошла, и ничего не сделать – некому писать заявление, мол, хочу переиграть заново.

Зато во мне есть и положительная сторона: я не виню в своих неудачах государство, обстоятельства, семью и плохую карму. Во всем виноват лично я сам и никто более. Таким образом, я лишен комплексов, которые мешают большинству людей объективно воспринимать реальность.

С наслаждением намочил голову, растерся мочалкой, почистил зубы – и впрямь полегчало.

Выбравшись из ванной, остановился на пороге, оглядывая убогий интерьер своего нового жилища. Да уж, квартирку я снял – просто блеск. Квартирка, типа, я вас умоляю. Прошлая была не в пример. С евроремонтом и за те же деньги. Зачем я согласился на эту халупу, ума не приложу. Ну и ладно. С другой стороны, экзотика, в таких я еще не жил. Впрочем, надоест – сменю.

Забытый телевизор молот что-то про Сирию и ИГИЛ.

Всюду террористы, экстремисты и радикальные исламисты... стабильности в мире нет. Впрочем, что мне до них, сутящихся и постылых? – рассудил я и нажал красную кнопку пульта. Вылил в бокал остатки коньяка. Пойду, открою окно, подышу свежим воздухом.

До окна так и не дошел. Потому что увидел, что из-под двери в запертую вторую комнату пробивается полоска света...

Это было, мягко говоря, странно. Как следует, протерев глаза и, дождавшись пока исчезнут темные круги, посмотрел еще раз. Свет никуда не исчез, и даже кажется, стал ярче. Поставив коньяк на стол, подошел и осторожно прижался ухом к двери. Сделал это напрасно, потому что от легкого нажатия дверь открылась и я, спяну не удержав равновесия, ввалился прямо в белое марево.

Глава 2

Падая, я непроизвольно зажмурился и когда через секунду открыл глаза, обнаружил себя стоящим на карачках в той же самой комнате, из которой только что пытался выйти. Только задом к двери.

Как так вышло? Не мог же я извернуться в падении словно кошка. Такие трюки мне давно не под силу.

Некоторое время тупо озирался. Вроде обстановка та же самая. Но, что-то было не так. Твою мать! А где мой телек, коньяк и остатки бутербродов? И почему диван, который я долго расправлял, стараясь чтобы он при этом не развалился, теперь стоит собранный, да и выглядит гораздо новей. И протупив еще несколько секунд, наконец, обнаружил главную несуразность – за окнами было утро. Яркое солнечное утро.

Приготовившись, кряхтя подняться на ноги, к своему удивлению, вскочил как подорванный. Чуть до потолка не допрыгнул, едва успев подхватить свалившиеся трусы. От души выругался и не узнал свой голос. Следующая матерная тирада застряла в горле. Из зеркала на меня смотрел симпатичный молодой парень лет двадцати.

Я помахал ладонью перед лицом, отгоняя наваждение. Парень в зеркале сделал то же самое.

Да это же, я – собственной персоной! Только помоло-

девший на четыре с лишним десятка лет. Некоторое время крутился перед зеркалом как заядлая модница, разглядывая свои бицепсы-трицепсы (всегда был спортивным малым) и поддерживая норовящие свалиться трусы – задница моя в том возрасте была куда меньшего размера.

Чудо! Другого слова и не подобрать. Как же прекрасно быть молодым!

Но как такое возможно?

А может я умер и это портал на тот свет? Щурясь от яркого солнца, подошел к окну.

Ничего особенного там не узрел – тот же двор, те же деревянные дома вокруг, заросший лопухами палисадник. Все то же самое... Э-э, нет, не все. Вместо квартала девятиэтажек в полукилометре от нас, чернеет закопченными трубами какой-то частный сектор. Несмотря на жару, из некоторых поднимается дымок. Ну да сегодня ж воскресенье – бани топят.

Стоп! Какие бани, какое воскресенье? Какой, на хрен, частный сектор? Срывающимися пальцами я распахнул окно и по пояс высунувшись, посмотрел влево.

Ну, конечно, четырнадцатизэтажную башню элитного дома по ту сторону улицы, как корова языком слизала. Вместо нее жидкий березняк, за которым виднелись панельные пятиэтажки. В одной из них, я помнится, жил, в стародавние времена. Ну, хоть они никуда не делись. А башни нет. Ну, так понятно – если нет девятиэтажек построенных сорок с

лишним лет назад, откуда взяться башне, которую всего-то года два как воткнули.

Продолжая озираться, замечал все новые и новые несуразности. Совсем мало машин. Да и те, прости господи, четыреста двенадцатый «москвич» ... двадцать первая «волга» ... мама родная... горбатый «запорожец». Когда я его видел в последний раз?

Натужно кряхтя по дороге в горку, на перекресток выползла желтая туша автобуса. «ЛИАЗ», совсем еще новый. Седьмой маршрут, он всегда здесь ходил, от Микрорайона до Бетонного завода. Автобус затормозил на остановке. Сложились гармошки дверей, выпустив десяток пассажиров. Несмотря на приличное расстояние, я четко видел детали их одежды. Значит и острота зрения вернулась.

Овраг справа от дома весь был застроен разномастными сарайчиками, в которых жители щитовых домов, в прошлом сельчане, держали всякую живность вроде кур и коз. Да вон и они бродят тут же неподалеку. Квохчут и мекают. С детских лет помню эту картину смычки города и деревни. Потом случился жуткий ливень, и все сараи смыло вместе с их обитателями. Когда же это было? Кажется в восьмидесятом. Точно, в год Олимпиады!

Я отошел от окна и обреченно рухнул на диван.

Что же со мной произошло?

Про смерть я уже думал и этот вариант решительно отвергнул. Не нравился он мне. К тому же я чувствовал себя

живым, молодым и здоровым, а вовсе не старым и мертвым.

Может коньяк оказался настолько забористым, что я вырубился и все окружающее лишь пьяные грезы? Ага, и при этом чувствую себя, предельно трезвым, словно месяц ничего крепче чая в рот не брал. Нет, не бывает таких снов. Подумал так и все же решил себя ущипнуть. Больно! Нет, точно не сон.

Тогда что же? С ума за пять минут не сходят, и головой я не стучался... Кажется. Чтоб подтвердить это утверждение, ощупал голову, а затем встал и под разными углами осмотрел ее в зеркале. Целехонька.

Остается признать происходящее реальностью.

Значит?

Значит, я каким-то образом перенесся в прошлое. Судя по картине за окном, куда-то в семидесятые. А если точнее? А если точнее, то «ЛИАЗы» у нас появились где-то в семидесятом, а девятиэтажки начали строить в семьдесят пятом. Значит на дворе первая половина семидесятых. Вот так забрался.

Я сидел на диване и разглядывал обстановку комнаты. Надо сказать, она практически не изменилась, разве что стала новей. И вещи мои исчезли. Все до единой. Остались одни трусы, и те велики. Ан нет, есть еще и часы на руке. Дешевые китайские, но замаскированные под Ориент. Часы и трусы – прекрасный набор для попадания в другой мир.

Таким образом, передо мной встали два извечных русских

вопроса: кто виноват, и что делать?

С первым вопросом пока беспросветно, поэтому и думать о нем незачем, начнем со второго.

Значит, дело было так: я вошел в другую комнату... ну, как вошел... впал. Впал, значит, в дверной проем, и оказался мало того, что в той же комнате, так еще и в прошлом. В таком случае, вторая комната, это не комната вовсе, а что-то вроде портала и чтоб вернуться надо войти в нее еще раз. Логично? Вроде, логично.

Встал и подошел к межкомнатной двери. Она была плотно прикрыта, словно я не вваливался в нее пятнадцать минут назад. Толкнул рукой – не поддается. Нажал плечом – лишь жалобно скрипнул косяк. Вышибить ее что ли? Нет, погоди, шепнул мне внутренний голос, вышибить всегда успеем. Вдруг что-то нарушится, и я навсегда останусь в прошлом.

От этой мысли сладко заныло под ложечкой.

А что ты, собственно, забыл в том настоящем? – поинтересовался мой здравый смысл, – кто и что тебя там ждет? Старость и смерть тебя там ждет! А сейчас, может тебе дан второй шанс, прожить жизнь так чтобы не было мучительно больно... ну и так далее.

Кем дан? – спросил я у здравого смысла.

Да как хочешь так его и называй. Выбирай по вкусу: бог, дьявол, рептилоиды с Нибиру. Гомеостатическое мироздание, наконец. Какая разница?

Как какая разница? От этого зависит его цель. Бог помо-

гает людям, дьявол вредит. Рептилоиды, вообще не понятно чего хотят, то ли всех поработить то ли, наоборот, осчастливить, а гомеостатическое мироздание всего лишь не желает быть нарушенным.

«Экий ты стал пан-философ, – сказал я себе, – обещал не думать про первый вопрос и сразу же обещание нарушил. Какая тебе вера после этого?»

Шорох за спиной заставил меня резко обернуться. В проме открытого окна устраивался здоровенный рыжий кот. Ну, то есть это могла быть и кошка, но мне почему-то сразу стало ясно, что расположившаяся на подоконнике зверюга, именно кот. Уж больно наглый у него был вид.

– Эй! – сказал я ему, – Чего это ты сюда, как к себе домой вперся?

Рыжий, не обратив на меня никакого внимания, принялся вылизывать правую лапу. А ведь он и вправду может здесь жить, дошло до меня. Наверняка у квартиры есть хозяева и они в любой момент могут вернуться, а я в таком виде. Решат, что залез вор и вызовут милицию. Голый вор – оригинально.

И тут раздался звонок. Я вздрогнул и облившись холодным потом, заметался по комнате. Звонили в дверь. Тут я, наконец, сообразил, что если звонят, значит, нет ключей и на цыпочках прокравшись к двери, глянул в глазок. На площадке стояла бабка добродушно-глуповатого вида, одетая, несмотря на жару, в линялую кофту и длинную холщевую

юбку с выцветшими цветами, за ней маячила девчонка лет шестнадцати, русоволосая в коротком ситцевом сарафанчике.

Вас мне только не хватало, подумал я, отступая вглубь коридора – не открывать же им. Бабка с девчонкой о чем-то переговаривались за дверью. Звонок громыхнул еще пару раз и все стихло.

Убедившись в глазок, что площадка пуста, я вернулся в зал.

Кот тоже куда-то делся. Ну и, слава богу, с облегчением подумал я, закрывая окно, шляются тут всякие, а потом ложечки пропадают.

Кстати, о ложечках, надо проверить, чем мы тут располагаем. Может одежонка какая отыщется.

Одежонки не нашлось. Шкаф был девственно пуст, если не считать пары плечиков, сиротливо покачивающихся на перекладине. Зато на антресолях, в компании нескольких сушеных тараканов нашлась фуфайка и старый спортивный костюм. Внимательно осмотрев это линялое чудо, я с опаской в него облачился. В зеркале отразился студент, собравшийся на сельхозработы. Майка с ностальгическими завязками на вороте и запузыренные трикотаны были настолько застираны и потеряли форму, что даже первоначальный цвет их определить не представлялось возможным, не говоря уже о том мужские они или женские. Ладно хоть без дыр.

Следующей для осмотра пришла очередь кухни.

Что-то бандитская рожа этого кота мне больно знакома, размышлял я, роясь в кухонных шкафчиках. Не его ли видел, когда с риелторшей шел смотреть квартиру. Да ну нафиг – между этими событиями сорок с лишним лет. Просто совпадение, мало ли рыжих котов на свете.

Из кухонной утвари нашлось несколько старых кастрюль и десятков щербатых тарелок, граненые стаканы разной емкости, а в раковине с облупившейся эмалью валялось семейство алюминиевых вилок-ложек. Были они помятые с гнутыми зубчиками и к тому же грязные, словно землю ими копали.

Пусто оказалось и в холодильнике лишь сугробы инея в морозилке. Непохоже, что квартира обитаема. По крайней мере, на постоянной основе. Значит внезапного прихода хозяев можно не опасаться.

Я подошел к телевизору. «Горизонт-101» гласила надпись в нижнем левом углу. Полированная деревянная дура на длинных ножках смотрелась солидно. Да и весила солидно – килограмм пятьдесят, насколько я помню. Выпуклый белесый экран отразил мою озадаченную физиономию на фоне окна. Работает ли? Я щелкнул тумблером.

Телевизор работал. Сперва засветилась лампочка с надписью «сеть», затем, после долгого гудения нагревающихся электронных ламп и потрескивания из динамика полилась задорная музыка и наконец осветился экран, явив черно-белую картинку, где сквозь рябь помех отплясывали под пере-

ливы гармошки девушки в сарафанах и кокошниках. Через минуту девушек сменили непривычно опрятные механизаторы, важно отвечающие на вопросы корреспондента. Механизаторы прибыли на выставку сельхозтехники и их ответы иллюстрировались кадрами с рядами всяческих комбайнов, культиваторов и поливальных установок.

Устав на них любоваться, пощелкал каналами: на одном была настроечная таблица, сопровождаемая противным гудением, а по остальным и вовсе сериал «белые мурашки». Оно и понятно, в те времена с утра работала лишь первая программа, остальные с шести-семи часов вечера. Я вернулся на первую, там как раз начался выпуск новостей. Строгий диктор заступался за Анжелу Дэвис и клеймил американскую военщину за новые бомбардировки Ханоя, затем сменив пластинку, упомянул очередной пленум ЦК КПСС. Так, уже какая-то временная привязка. Помехи усилились. Понимая лишь каждое третье слово, я лихорадочно крутил телескопические рожки стоящей на телеке, комнатной антенны, но толку от этого было чуть – никаких конкретных дат я так и не узнал. Диктор рассказал что-то про вести с полей и новости закончились, сменившись концертом в честь Дня рыбака. В Союзе было много разных Дней, подумалось мне, и геолога с учителем, и металлурга и даже физкультурника, а сейчас все больше бухгалтера да брокера.

Ладно, ящик подтвердил главное – я действительно в советском прошлом.

Может радиоточка что-то прояснит.

Однако подозрительного вида динамик порадовал лишь передачей «Театр у микрофона». Несколько минут я вслушивался в проникновенные голоса артистов и с удивлением понял, что транслируемый спектакль ничто иное, как «Зеленый фургон» Козачинского. Кажется, в антракте передают последние известия, припомнил я, и оставив радио включенным, пошел открыть окно – от прямых солнечных лучей становилось все жарче.

И сразу понял, что поступил опрометчиво.

Под окном стояла давешняя девчонка в сарафане и смотрела прямо на меня.

– Нюра, – воскликнуло за спиной радио, – ну можно ли так врваться? И патлы, патлы свои пригладь!

– Добрый день! – сказала девчонка.

– Привет, – только и оставалось ответить мне.

– А вы родственник Виктора Мефодьевича?

Отказываться от такой подсказки было глупо.

– Э-э... Племянник.

– А Виктор Мефодьевич, как май, так в поле и до октября, – затараторила девчонка. – А мы с бабой Фросей приглядываем за квартирой. Мы рядом в четвертой живем. А цветов у него нету кроме кактуса, а его и поливать не надо. Поэтому мы ключи и не берем. Но Виктор Мефодьевич предупредил, что может кто-то из родственников появиться. А сегодня смотрим, окно открыто.

– Так, это вы звонили? – промямлил я. – Извините, что не открыл, я как раз в ванной был... с дороги, сами понимаете... помыться надо, то се.

– Да ничего! – девчонка радостно закивала, отчего ее русые косички смешно запрыгали, и мне пришло в голову, что неплохо было бы познакомиться с ней поближе, чтоб разъяснить, так сказать, диспозицию.

– Какая симпатичная у меня соседка, – дружелюбно улыбаясь, начал воплощать свою идею. – Зашли бы ко мне соседски в гости, а то, что мы через всю улицу кричим? Заодно и познакомимся.

– А и зайду, – не стала кочевряжиться девушка, – сейчас только до хлебного сбегая. Тут рядом, минут десять.

Через десять минут она, конечно, не появилась. Не появилась и через двадцать. Томясь от безделья, я слонялся из комнаты в кухню и обратно. Слушал радио и размышлял, кто такой может быть этот загадочный «дядюшка» с поповским отчеством. Несколько раз пробовал дверь – заперта.

Через полчаса, наконец, раздался звонок.

Увидев девушку, сразу понял причину задержки. Русые косички были расплетены, а длинные волосы тщательно расчесаны. Застиранный сарафанчик сменился на клетчатую юбку выше колен, и белую блузку с голубыми листочками. На ногах белые же туфельки-лодочки на низком каблуке, а губы тронуты помадой.

За секунду я обзрел ее всю, от крепких ножек до распи-

рающих блузку полушарий и остановился на лице. Странно, почему раньше мне всегда нравились тощие девки. Это же просто девочка-персик – нежная кожа, щечки яблочки, губки бантики, глазки цвета сливы.

А я стою тут перед ней, в затрапезном прикиде, босяк босяком. Впрочем, судя по отсутствию брезгливости во взгляде, это ее ничуть не смущает. Во времена моей юности люди были куда проще, носили что придется – страна только выбралась из нищеты. А к стилигам – тогдашним хипстерам, наоборот, относились с подозрением.

– А как красавицу зовут? – я решил, что немного лести не повредит.

– Евгения, – от смущения девчонка стала важной.

– А меня Феликс.

– Как Дзержинского?

– Типа того. Да вы заходите Женечка. Правда я убраться не успел. Я бы вас чаем напоил, но у дяди Вити даже чайника нет.

– А пойдете к нам? – предложила Женя. – У нас все есть, и чайник, и варенье, и мед нам деда Коля с пасеки возит.

Отказываться было глупо, да и жрать хотелось.

– А бабушка что скажет? – уточнил я на всякий случай, – не поперет?

– Да что вы! – всплеснула руками девушка, – Баба Фрося мировой человек! Ей только дай кого-нибудь накормить. К тому же, ее и дома нет, она на базаре медом торгует.

Контакт налаживался.

* * *

Четвертая квартира отличалась от третьей лишь наличием еще одной комнаты. В зале висел неременный ковер с оленями, под ним раздвижная тахта, покрытая плюшевым пледом. Вдоль противоположной стены выстроились в ряд старинное трюмо, сервант с посудой, и шифоньер. Посреди комнаты царил массивный овальный стол, украшенный вазой с букетом полевых цветов. Горшки с цветами стояли и на подоконнике, а через распахнутую балконную дверь виднелась кадка с чем-то древесным. И, наконец, всю третью стену занимал самодельного вида стеллаж, заставленный книгами. На меня глядели тусклые корешки всевозможных собраний сочинений. Тут были Конан Дойл и Джек Лондон, и отечественные Лесков с Куприным и прочими Толстыми.

– Сейчас чай будем пить, – сообщила Женя и упорхнула на кухню.

Я подошел к трюмо. Зеркало было высоченное, украшенное сверху резным венцом. Под деревянную раму всунуты многочисленные поздравительные открытки и фотографии с патриархального вида дедами и старухами, детишками в смешных костюмчиках, серьезными молодцами и строгими молодухами. Меня привлекло одно фото, с изображением круглолицего прищуренного паренька в фуражке и парадном мундире с погонами танкиста. Но не это главное, а то, что внизу каллиграфическим почерком было приписано:

«Чита, 1972 г.»

– Жень, – позвал я, – а кто этот военный?

– Где? – подпоясанная передником девушка раскраснелась от хлопот. – А это братишка мой старший, Андрюшка. Он сейчас в армии, в Забайкалье служит в танковых войсках. Год отслужил, еще год остался. Скучаю по нему, прям не могу.

– Ну-да, ну-да! – посочувствовал я. – Но ничего, не плачь девчонка, пройдут дожди! А фотка-то старая?

– Новая совсем! Неделю назад прислал. Написал, что в мае фотографировался.

Ну, вот все и прояснилось. На всякий случай уточнил.

– Слушай, я что-то забегался, дням счет потерял. Сегодня, какое число? Четвертое?

– Да что ты, шестое уже! – она счастливо рассмеялась. – Первая неделя каникул!

Стол Женька накрыла царский: душистое земляничное варенье, малиновое, яблочное. Мед свежайший, еще пахнувший ульем.

Мы пили ароматный чай, ели варенье и, как подобает солидным людям, степенно беседовали.

Незаметно перешли на «ты».

Я сообщил Евгении, что являюсь студентом НГУ, перешел на последний пятый курс и на каникулах решил посетить малую родину.

– А ты, кем будешь, когда закончишь? Как Виктор Мефо-

дьевич, геологом?

(Вот и стало понятно, чем занимается «дядюшка»)

– Нет, я на факультете естественных наук учусь. Химик.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что дядя Витя здесь очень редко бывает. Говорят, у него, здесь Женька перешла на шепот, в другом городе есть любовница и он там в основном проживает. Вот и стоит квартира почти всегда пустая.

Их кухонька была такая же крошечная, как и моя. Мы сидели на расстоянии вытянутой руки, и я не мог удержать невольных взглядов то в вырез ее блузки, то на круглые колени.

Она честно старалась не замечать моих взглядов и безостановочно щебетала.

Эту трехкомнатную квартиру дали деду Илье, ветерану войны и труда.

– Он всю войну, с первого до последнего дня прошел, – с гордостью говорила Женька. – полный кавалер Ордена Славы, а таких меньше, чем героев Советского Союза!

Вот только, едва успели дать квартиру, как дед возьми да помри от инсульта. С тех пор так и живут они тут вчетвером. Баба Фрося, Нина (Женькина мать), брат Андрюха и сама Евгения.

– А мамочка у нас где? – невзначай поинтересовался я.

– На юге. Ей путевку от профкома дали в Геленджик. Она у нас передовик производства, начальник цеха на швейной фабрике!

– А тебя что ж с собой не взяла?

– Ну... надо же ей от нас отдохнуть, – при этом Женька сделала забавную рожицу, явно кому-то подражая.

– А отец где же?

– Да они с мамой развелись, еще, когда мне четыре года было.

– И что?

– И ничего, – развела она руками, – алименты платит и не показывается. Один раз пришел, когда мне шестнадцать исполнилось... почему-то к школе. Я его даже не узнала сначала. Поздравил. Сунул коробку конфет и плюшевого мишку. Вот зачем, спрашивается, взрослой девушке дурацкая игрушка? Лучше бы духи или там, помаду подарил. Как жизнь, спрашивает? Нормально, отвечаю. Ну, постояли десять минут, как дураки, о чем говорить не знаем. Ушел, а я мишку этого в кусты закинула.

– Ну, это ты зря.

– Может и зря, – не стала спорить она.

– А конфеты не выкинула?

Девушка усмехнулась.

– Нашел дуру! Слопали с подружками.

– А ты Жень в какой школе учишься?

– В третьей.

– Я тоже в ней учился, до восьмого класса.

– А потом?

– А потом мы переехали в Новосиб. Там как раз Академ-

городок строился, отцу квартиру обещали. Здесь-то мы в коммуналке жили и ничего не светило.

Мы посидели, помолчали. Вроде все темы обсуждены, чай булькает в животе и слопана целая розетка варенья, пора и честь знать – в смысле, валить. Хотя нет, есть еще одно дельце.

– Дали квартиру-то? – прервала девушка затянувшееся молчание.

– Дали, – кивнул я. – Трехкомнатную полногабаритную, на Морском проспекте.

– У вас что, море там есть? – округлила она глаза.

– Да не, какое в Сибири море – это местные так водохранилище называют – Обское море. А ты Евгения комсомолка, поди? – зачем я это спросил?

– Конечно, – удивленно хлопнула она глазами. – А ты нет, что ли?

– А какой класс закончила?

– Девятый, – на ее хорошеньком личике читалось сожаление, что не десятый. Хотела казаться взрослей, хотела мне понравиться.

Как не цинично, но этим надо воспользоваться.

– Хочешь еще меду налью? – предложила хозяйка.

– Да, нет спасибо, что я Винни-пух что ли. Слушай, тут беда такая приключилась... – стал я вдохновенно врать. – Понимаешь, сел в сквере на скамейку... а она свежеокрашенная оказалась... кто-то видать бумажку с предупреждением

сорвал, я не заметил... в общем, и рубашка и брюки... все испорчено. Надо на вокзал съездить, там у меня вещички в камере хранения. Вот, у дяди нашел какую-то рвань... но не ехать же в этом – засмеют.

Неся эту пургу, я внимательно наблюдал за реакцией девушки. Согласен, крашенная скамейка – тупая отмазка, типа, как в «Джентльменах удачи» – в цистерне, где мы ехали случайно оказался цемент, и наша одежда пришла в негодность.

Но в данном случае реакция превзошла все ожидания – Женька просто олицетворяла собой желание помочь ближнему.

– Что же делать? – с тревогой спросила она непонятно у кого.

– Так я и говорю... нет ли у тебя какой-нибудь одежонки... напрокат? Я только сгоняю и сразу верну в целости и сохранности! Еще и подарочек с меня.

– Точно! – хлопнула она себя по лбу ладошкой. – Чего я думаю, балда! Андрюшка же одного с тобой роста! И размерами вы, как будто схожи... сейчас что-нибудь принесу.

Она вылетела из кухни.

Вернулась минут через пять, и озабоченно слув челку со лба, сунула мне тоненькую стопку.

– Вот! Парадное Андрюхино! Он на танцы в этом ходил.

В стопке оказались, аккуратно свернутые, чтоб не помялись, рубашка и брюки.

– Майку надо?

Я помотал головой, мол жарко. Не говорить же ей, что мне трусы не помешали бы.

– Да, жарница! – согласилась Женя, – С конца мая ни одного дождика.

Я хмыкнул. Знала бы она, что великая засуха, поразившая в семьдесят втором европейскую часть СССР, только начинается.

– Ну-ка, примерь, – потребовала девушка, – Да не стесняйся, стеснительный какой, выйду я.

И действительно вышла.

Скинув злосчастные трикотаны и стянув через голову влажную от пота майку, я быстренько облачился в принесенное. Действительно оказалось впору. Но что это была за одежда. Светло-коричневые брюки в обтяг на бедрах, расклешенные от колен сантиметров на тридцать, внизу заботливо обшитые молниями, чтоб не обшаркивались об асфальт. И приталенная рубашка с огромным отложным воротником, выточками на спине и узором из оранжевых огурцов.

Блядь, клоун и клоун! Первым желанием было вежливо отказаться, но затем взял себя в руки. Ведь и вправду такое носили в семьдесят лохматых годах. С запада мода пришла, а наши умельцы ушивали и перешивали неказистый советский ширпотреб.

Я вышел из кухни и наткнулся на восхищенный Женькин взгляд.

– Класс! – она показала большой палец. – Андрюха еще и расстегивался чуть ли не до пупа, типа, так девчонкам больше нравится.

Глянув в зеркало, я обнаружил, две вещи: что прикидом своим напоминаю волка из «Ну погоди», и что на ноги тоже что-то надо одеть, не идти же в сланцах. Подняв глаза, я понял, что Женька следит за моим взглядом.

– И туфли тоже краской испачкал? – тон ее голоса при этом был немножко издевательский.

Андрюхины парадные туфли имели апельсиновый оттенок, толстую подошву и высокий каблук. Такие, мы в свое время называли копытами. Чуть размер великоват, ну и хрен с ним, сойдет.

– Женюш... мне уже стыдно просить... но, не заняла бы ты мне...

– Что, и деньги краской испачкались? – лукаво улыбнулась девушка. Похоже, насчет ее наивности я малость заблуждался.

После некоторого ожидания мне был вручен рубль. Настоящий советский рубль. «Рванный» как мы его тогда называли.

– Женечка–солнышко, ты прелесть! С меня презент!

– Не выдумывай, – покачала она головой, – ничего не надо!

Но взгляд ее при этом говорил: дурак будешь если поверишь.

Хотел было чмокнуть ее в гладкую щечку, но девушка ловко уклонилась, погрозив пальчиком.

Уже на пороге я вспомнил.

– Жень, а чей это кот, такой здоровый рыжий. В окно сегодня ко мне забрался.

– Кот? – она задумалась. – Рыжий? Нет у нас такого. У тети Марины с первого этажа есть кошка сиамская... злая такая. А кота нету. Может с соседних домов забрел.

На том и расстались.

* * *

И вот я на улице. На часах, которые подвел по Женькиным ходикам, около двух. Я одет как попугай, в кармане у меня рупь, а в голове отсутствие четкого плана. Значит, буду действовать, как обычно, по наитию.

Наитие привело меня на автобусную остановку.

Зачем спрашивается?

И тут я понял зачем.

В школе у меня был закадычный друг Генка Скворцов. Мы знали друг друга с самого детского сада, правда, ходили в разные группы. А в школе попали в один класс и так и просидели за одной партой до восьмого, пока я не свалил в Новосибирск. Сперва переписывались, но потом, как часто бывает, наши контакты прервались и больше я его в той жизни не видел. А почему бы не повидать в этой?

Проблема была в том, что я не только Генкин телефон забыл, но даже где он жил, помнил весьма смутно. А чего вы

хотите, пятьдесят лет как-никак прошло. В отличие от внешности, память реципиента ко мне не вернулась. Видимо, как это не обидно признать, я являюсь дубликатом того самого двадцати однолетнего настоящего меня, студента, только что закончившего четвертый курс универа.

Хотя, если рассудить, чего тут обидного? Мне, старому пердуну, дана возможность снова стать молодым. Пусть неизвестно на какой срок, пусть даже на один день, но этим надо воспользоваться сполна и всласть покуролесить!

@@@@@@@@@@

Жара набрала силу. Над раскаленным асфальтом, на котором казалось можно жарить яичницу, колыхался воздух.

На лавочке под бетонным навесом в ожидании автобуса прятались от солнца пара бабушек с кошелками, и патлатый подросток с сигареткой, да в телефонной будке трепалась по телефону пергидрольная блондинка неопределенных лет. Других желающих тащиться куда-то жару в душном чреве автобуса, не наблюдалось.

А поеду-ка я в Центральный район, где жил Генка, похожу по знакомым местам, глядишь и вспомню.

От нашей окраины до центра, на автобусе минут пятнадцать. На легковушке можно и за пять домчаться, но автобус, словно следуя поговорке: «кто понял жизнь, тот не спешит» тархтит себе потихоньку, тормозя на каждой остановке, коих натыкано чуть ли не через каждые триста метров.

Однако, пора разменять свой рубль. На кондукторах уже

тогда начали экономить, и дать мне сдачу будет некому.

Возле остановки расположились киоск «Союзпечати» и желтая бочка с квасом. Купить ли мне газету или выпить квасу? А, пожалуй, и то и то.

От киоска Союзпечати пахло типографской краской. Витрина пестрела обложками журналов, конвертами пластинок-миньонов, открытками с физиономиями артистов, школьными тетрадками и прочей канцелярской хренью. Киоскерша читала журнал «Огонек».

При взгляде на первые полосы давно забытых газет, мне вспомнился древний антисоветский анекдот, где киоскер общается с покупателем: читали что в «Известиях» пишут? «Правды» нет! «Советскую Россию» продали, остался только «Труд» за две копейки.

Этот «Труд» за две копейки я и купил, получив на сдачу весомую пригоршню мелочи.

Сунув газету под мышку, отправился к квасной бочке, где под брезентовым навесом коротала время дородная продавщица в желтовато-белом халате. Прейскурант гласил: Квас хлебный;

Литр – 12 коп.

Большая кружка – 6 коп.

Маленькая кружка – 3 коп.

– Налейте, пожалуйста, маленькую, – попросил я, протягивая пятак. Полюбовавшись на сомнительное полоскание кружки в фонтанчике, получил ее наполненную неожиданно

прохладным квасом и две мокрые копейки сдачи.

Что интересно, вкус кваса из бочки не изменился до наших дней – удивительная стабильность.

Усевшись на краю скамейки, развернул газету.

Что там пишет профсоюзная пресса?

Не особо вникая, пробежал глазами по заголовкам.

«Повышать культуру производства» – пространный текст на четверть полосы. «Механизация и автоматизация, – писал безвестный капитан-очевидность, – важный, но далеко не единственный показатель культуры производства. Успешное использование механизмов и автоматики немислимо без образцового порядка на рабочем месте». Интересно, вот умели же писать таким суконно-посконным слогом, что начиная читать второе предложение уже забываешь, о чем было первое.

«Тебе пятилетка» – очередные достижения советской промышленности обещали обувным фабрикам Сибири сколько-то миллионов квадратных дециметров хромовой кожи.

«Рабочая высота», про знатного токаря-пекаря

«Вечная дружба» с братским чехословацким народом.

Они друг другу-то оказались не братья, не то что нам.

«На полях страны» – яровым клином засеяна хренова ту-ча гектаров.

«Выступление Р. Никсона» – главгад из Вашингтона рассуждал о непростом выборе: вывести своих обосравшихся

вояк из Вьетнама прямо сейчас или подождать пока им не наваляют еще побольше.

В рубрике «физкультура и спорт» сообщали, что Старшинов успел наколотить уже триста восемьдесят шайб и, наконец, «Последняя колонка» задавалась вопросом: «Сколько глетчеров в Казахстане?»

Глетчеры эти меня доконали, свернув газету аккуратной трубкой, засунул в урну.

Тут кстати подкатил автобус – двадцать четвертый маршрут «микрорайон – вокзал». Он тоже изнывал от жары, о чем говорило несчастное выражение его квадратной морды и тяжелое дыхание перегретого мотора.

Старушки с подростком окинули автобус равнодушными взглядами – им было со мной не по пути. Девица из будки куда-то исчезла, видать просто приходила позвонить.

Я вошел через переднюю дверь, пытаюсь вспомнить сколько стоит проезд. Вроде бы шесть копеек. Или пять? Ладно, мне не жалко, бросил в прорезь кассы десятник и открутил билет. По привычке проверил не счастливый ли, и пройдя в конец пустого салона плюхнулся на свободное место. Тут же понял, что зря это сделал – кресло было раскалено, и моя рубаха на спине моментально пропиталась потом.

Гармошки дверей с шипением распрямились, автобус взвыл натруженным движком и покатил, неспешно ускоряясь. Сразу стало легче – все окна и люки на крыше были открыты настежь и во время движения салон неплохо проду-

вался.

Итак, чем же примечателен семьдесят второй? Конечно же первым визитом Никсона в Москву и началом политики разрядки, будь она неладна. Еще? Еще конечно же злополучной Мюнхенской олимпиадой с захватом заложников и хоккейной суперсерией СССР-Канада, окончившейся нашим проигрышем в одну шайбу. Семьдесят второй был годом авиакатастроф – по разным причинам разбилась куча самолетов. Из курьезного, вот прямо сейчас в июне будет принят указ по борьбе с пьянством и водку станут продавать с одиннадцати утра. И, наконец, этот год станет последним относительно здоровым годом для Брежнева. Поскольку структура политической власти, предусматривает принятие решений по всем сколько-нибудь важным вопросам исключительно на самом высоком уровне – уровне первого лица, вместе с дряхлеющим генсеком будет деградировать вся страна.

Я ехал, и от нечего делать, глазел по сторонам. Непривычно пустой проспект катился нам навстречу. Он разительно отличался от того современного целлулоидно-яркого, сверкающего огнями и ядовитой расцветкой к которому я привык. Серые фасады домов, блеклые витрины магазинов, лаконичные черно-белые вывески: Хлеб, Бакалея, Парикмахерская, Сберкасса, Почта.

Машин раз в десять меньше, чем сейчас и те бледных неброских цветов. Рекламные баннеры и растяжки заменяют редкие выцветшие на солнце красные полотнища с призыва-

ми: «Решения XXIV съезда в жизнь» и «Девятой пятилетке ударный труд».

Мы миновали серого гранитного Ленина, у постаamenta которого угрюмо толпились каменные тролли, изображающие революционных солдат и матросов, и въехали на Вокзальную площадь.

Длинное здание вокзала, было построено еще до «эпохи исторического материализма» и имело антикварный вид. Его облезлый фасад в виде триумфальной арки с пилястрами украшали старинные часы и горделивая надпись «Обнорск – Главный», хотя никаких других вокзалов в Обнорске не имелось ни тогда, ни сейчас.

Посреди площади был разбит маленький сквер, в центре которого стоял памятник женской голове. Вернее, конечно, не только голове, а всей революционерке Любе Громовой, но возможно скульптор не знал, как выглядела Люба, поэтому просто изваял трехметровую прямоугольную стелу, на вершину которой водрузил эту самую голову с развевающимися волосами. Из одежды у головы имелся шейный платок, который по странной прихоти скульптора, развевался в другую от волос сторону. Любу кто-то замучил, то ли белогвардейцы, то ли черносотенцы, что, в общем-то, немудрено, ведь злые языки утверждали, что ее настоящее имя Либа, а фамилия – Канцеленбоген.

На площади, которую я помнил всегда запруженной разнообразной публикой, толпами такси, маршруток и прочим

общественным транспортом, ныне народу было раз-два и обчелся.

С левой стороны площади тянулась цепь лотков под тентами из грубой полосатой ткани. Тут продавали мороженое и пирожки, тот же квас, овощи и даже замороженную рыбу.

Женькино варенье давно и бесследно растворилось в недрах моего молодого организма, поэтому я подошел к палатке с пирожками, которая как выяснилось, торговала от кулинарии №6 райпотребсоюза и приобрел беляш, отдав за жирное великолепие с кусочком мяса внутри, пятнадцать копеек.

* * *

Все-таки замечательная вещь визуальная память. Генкин дом я опознал почти сразу же, и пошел к нему через площадь, на ходу уминая беляш и стараясь при этом не обляпаться текущим из него горячим соком.

Дом у Генки сталинский, постройки сороковых годов. С огромными дверями и широкими лестничными маршами. Эту двушку им дали в шестидесятом, когда Генка учился во втором классе.

Я часто у них бывал и помнится отчаянно завидовал. Мы жили в хрущевке на подселении, а здесь две просторных комнаты, огромная прихожая, высокие потолки, отдельные ванная с туалетом, на полу паркет. А на кухне бабушка, которая не отходила от плиты, постоянно жарила и пекла всякие вкусняшки, одну из которых, яблочный пирог с кремом из сметаны, я запомнил на всю жизнь.

Бабушка и открыла мне дверь.

Как всегда, сразу настежь без всяких цепочек и вопросов: кто там?

Я совсем забыл её лицо, но как увидел, сразу вспомнил. Сердце радостно заколотилось, ведь идя сюда, очень сильно сомневался, проживают ли они тут до сей поры.

– К Генке что ли? – сварливо поинтересовалась она вместо приветствия. – Так, нет его.

Тут только сообразил, что напрочь забыл ее имя-отчество. Да и не звали мы ее никогда по отчеству, бабушка, да бабушка.

– А вы меня не помните? – я был несколько смущен таким неласковым приемом, но отступить не собирался.

– Делать мне нечего, всех его дружков запоминать! Ходют и ходют... Сказано, нет его! Понял? Ну и иди с богом, мил человек.

Она уже приготовилась захлопнуть дверь перед моим носом, как вдруг в мозгу наступило просветление.

– Подождите, Вера э-э... Михайловна! – точно!

Дверь замедлила движение.

– Я – Феликс!

– Какой еще Феликс? – голос старушки стал менее сварливым, а на морщинистом личике отразилась работа мысли, – А, Феликс...

– Ну, да... Феликс Неверов, – сомневаюсь, что она вообще знала мою фамилию, но имя-то редкое, должна вспомнить. –

Я же у вас со второго класса тут терся. Мы с Генкой за одной партой сидели...

– Точно! – хлопнула она себя по лбу. – А я думаю, чой-то лицо знакомое... А куды ж ты делся?

– Так мы, Вера Михайловна, переехали в другой город.

– Это в какой же?

– В Новосибирск.

– Ишь ты, – удивилась она, – это ж на севере где-то? Как же вас тудой занесло? Раньше тудой людей ссылали, а вы сами поперлись... Ой, а что я дура старая тебя в дверях держу? Заходи Феликсушка, заходи дорогой.

От расстегаев с рыбой я вежливо отказался, райпотребсоюзный беляш надежно заполнил желудок и организм теперь требовал лишь одного – какой-нибудь влаги. Предпочтительно, конечно, пива, но за неимением оно, бабка достала из холодильника, мигом запотевшую банку с чайным грибом и нацедила мне полный стакан золотистой жидкости. Когда в последний раз я видел в домах на подоконниках, эти порытые марлей банки, с плавающими в них коричневыми медузами? Помню, какие споры вызывал этот грибной квас: одни утверждали, что он полезен, чуть ли не от всех болезней. И жиры-то он расщепляет и пищеварение улучшает. Другие, напротив, полагали, что он совершенно бесполезен, более того, от него бывает рак желудка. Постепенно страсти вокруг невинного напитка улеглись, а потом исчез и сам гриб.

– А где же Геннадий-то? – поинтересовался я, потягивая кисло-сладкий, слегка пощипывающий язык напиток.

– Да к отцу ж пошел, в больницу. У Толика ж язва разыгралась, вот и положили его, а он ему еду носит. В больнице-то какая еда? А я бульончика куриного наварила, он и понес. Скоро вернуться должен.

Усевшись за стол напротив меня, старушка принялась рассказывать. Я почтительно внимал. Оказывается, Генкина мама Наталья Федоровна, в шестьдесят восьмом заболела «женской хворостью» (онкология, как я понял) и через год голубушка преставилась. Генка тогда в институте учился «в котором на учителей учат» («Пед», надо полагать).

– С горя учебу забросил, вино пить начал – жаловалась бабушка, – его из института выперли и сразу в армию забрили «на моря», на севере где-то, на военном пароходе служил, цельных три года! Весной только вернулся и как в загул ушел, так до сих пор не оклемался. Пьет да по девкам шляется. Дружков каких-то патлатых завел. Одни музыки у них на уме. Ходют и ходют. Я Толе-то говорю: ты б повлиял на него по отцовски-то! А он: пусть погуляет, мол, успеет еще, наработаться. И сам еще в больницу слег... От беда бедовая... горе горькое! Ой, а что я все сижу и сижу, надо же картошечку сварить.

И она стала чистить картошку. Я смотрел, как из-под старенького сточенного ножичка ползет бесконечный серпантин кожур, и мне было грустно. Ведь её давным-давно на

свете нет, и сына её, Генкиного отца – нет. Да что там отца, сам Генка уже дуба врезал. Год назад, случайно встретив одноклассницу, узнал от нее, что Скворцов в конце восьмидесятых стал сильно пить. Пропил отцовскую квартиру, бомжевал и зимой девяносто второго был найден в канализационном коллекторе истыканный ножами – говорят, малолетки пошалили. Так зачем я приперся сюда? Общаться с ожившими мертвецами?

От мыслей этих стало не по себе, и я уже было начал придумывать благовидный предлог, чтоб отвалить по-тихому, как тут пришел Генка.

Ну, как пришел – про Генку никогда нельзя сказать, что он просто пришел. Его появление всегда начинается с высокой ноты. Сперва на площадке грохнула дверь лифта, затем я услышал, как он ругается с соседкой, вредной теткой, живущей этажом ниже. Генка не конфликтен, но как пионер всегда готов к любому спору. Ведь в столкновении интересов есть драматургия, а он всегда хотел стать артистом и даже в школе посещал театральный кружок. Затем он ворвался в квартиру и начал шумно возиться в коридоре.

– Ба, – заорал оттуда, – а чьи тут копыта лакированные? У нас гости? – и возник на пороге кухни, растрепанный и лохматый, живее всех живых. Несколько секунд недоуменно тарачился на меня. Я встал и сделал шаг ему навстречу.

– Привет, Геша!

– Фелька, ты? – недоумение в его глазах сменилось радо-

стью и через секунду мы уже тискали друг друга в объятиях.

* * *

Через пятнадцать минут мы сидели с ним в сквере возле Любы Громовой, глазели на, шастающих туда-сюда, легко одетых девушек и решали сложную логическую задачу. Встречу старых друзей необходимо было отметить, а всей наличности у меня оставалось семьдесят копеек, а у Генки и вовсе полтинник. Этого хватило бы максимум на поллитровку бормотухи с плавленым сырком, что сами понимаете, для такого выдающегося повода не канает.

Один за другим были отвергнуты следующие варианты обогащения: занять – мне, понятное дело не у кого, а Генка уже и так всем своим знакомым был должен; упасть кому-нибудь на хвост – та же причина; сдать стеклотару – суеты много, а выхлопа на копейку.

Отец бы, конечно, денег дал, – рассуждал Генка, – но он в больнице, а у бабки внучек только вчера выцыганил пятерку и, зная ее бережливый характер, ближайšie несколько дней подкатывать к ней уже не имело смысла. Да я и сам не хотел этого делать по этическим соображениям.

Оставалось только продать, что-нибудь ненужное. Генка предложил сдать книги в «Букинист», отец-архитектор собрал довольно-таки неплохую библиотеку. Например, четырехтомник Даля – за него четвертной, не меньше, можно выручить.

– Нет, – твердо возразил я, – мародерства не допущу, есть

у меня идея получше!

И сунул ему под нос свой липовый «Ориент».

– Хорошие котлы! – одобрительно поцокал языком Геша, – у нашего каплея такие были. Не жалко разве?

– С вещами надо расставаться легко. Не знаешь, кому можно толкнуть?

Генка на несколько секунд задумался.

– Есть тут один тип... Только мутный он, нормальную цену не даст.

– Пошли! – решительно махнул я рукой.

* * *

На стеклянных дверях ресторана «Лесная сказка» при гостинице «Золотая долина», расположенной прямо напротив вокзала, висела табличка: «Свободных мест нет». Генка постучал в стекло костяшками пальцев. К нам не спеша приблизился швейцар, толстый, высокомерный и значительный, как кастрированный кот.

– Во, бля, – сказал мне Генка, – глянь, плывет как важно, словно не швейцар, а целый адмирал.

– Что молодые люди, читать не умеем? – поинтересовался швейцар, глядя на Генку, как на дохлую мышь.

– Да мы бать, не по этому поводу. Яша работает сегодня?

И будучи удостоен снисходительного кивка, добавил:

– Можно его позвать? Дело важное!

Швейцар на несколько секунд замер в неподвижности, словно размышляя, не послать ли нас подальше, но не по-

слал и молча удалился.

– Что за Яша? – поинтересовался я.

– Деловой, – объяснил Генка. – Вождь халдейский. Типа, метрдотель. Он тут в гостинице всей фарцой заправляет.

– А ты его откуда знаешь?

– Да... – Генка неопределенно махнул рукой, – так, дальний родственник.

Спустя минут десять ожидания в вестибюль спустился хлыщеватый мужчина неопределенного возраста, с холеным порочным лицом. Он был одет в форменный костюм и выглядел еще величественней швейцара. Во взгляде его круглых глаз застыло презрение к окружающим. Хотя, наверное, на дорогих гостей он смотрел иначе, а презрение относилось только к нам, поскольку одеты мы были так себе и выглядели несерьезно.

– Здорово, Яша! – радостно заорал Генка.

– Здоровей видали, – метрдотелю было досадно от такой фамильярности. – Чо надо, дуся?

– Тут дело такое... товарищу деньги понадобились. Часы не возьмешь? Покаж, Феля.

Я отогнул рукав и продемонстрировал запястье, на котором хрусталем и золотом солидно мерцало изделие китайского ширпотреба. Что-то мелькнуло в бесцветных халдейских глазах. Какое-то подобие интереса.

– Японские, «Ориент», с самоподзаводом, хрустальное стекло, противоударные, водонепроницаемые, – вдохновен-

но перечислял я действительные и мнимые достоинства своего аппарата, – корпус и браслет с износостойким покрытием.

– Фирма! – с достоинством подтвердил Генка.

Яша небрежно протянул холеную ладонь, и я аккуратно вложил в нее часы.

Он несколько минут крутил их так и этак, разглядывая со всех сторон, потом поделился сомнениями:

– Ворованные, небось, бочата...

– Да ты что?.. – взвился Генка.

А я не стал обижаться, понимая, что это маркетинговый ход – клиент заинтересовался и начал сбивать цену.

– Дядя, моряк дальнего плавания, по заказу привез, – сообщил я только что выдуманную версию. – Брал за триста, отдаю за двести.

Яша лениво покрутил браслет на пальце.

– Двести... – саркастически хмыкнул. – Стольник могу дать... чо бебики вылупил? Красная цена в базарный день!

– Не-е, – Генка замотал кудлатой головой, – За такой механизм, стольник? Это грабеж, пошли Фелька отсюда. Завтра тете Лене сдадим за нормальные деньги. Давай сюда котлы.

– Не кипешуй, – отмахнулся от него Яша. – Ладно, сто пятьдесят, и это, пацаны, последнее предложение, больше вам в Обноре никто за них не даст.

Я с трудом скрыл радость и солидно кивнул головой.

– Согласен. А это... Яша... можно, мы у вас тут посидим?

Халдейский вождь глянул на вывеску, предупреждающую об отсутствии мест, потом с сомнением на нас. И снисходительно хмыкнув, сказал:

– Тогда сто сорок.

Генка опять начал выпучивать глаза, но я остановил друга.

– Ладно, согласен. Пошли.

Мы следовали за Яшей через вестибюль, а Генка возмущенно шипел мне в ухо:

– Хрена ли ты согласился? Этот козел за три сотни их загонит, я тебе отвечаю! И чо в этом шалмане переплачивать, давай лучше пойдем в гастроном и в два раза дешевле все купим...

Я молча усмехался, не объяснять же другу, что проданный набор китайских шестеренок я взял за три тысячи, что по здешнему курсу будет меньше десяти рублей.

Насколько я помню, «Лесная сказка» считалась самым шикарным кабаком в Обнорске. Был он небольшим, и попасть сюда особенно в выходные, обычному человеку удавалось не часто – вечно «закрит на спецобслуживание» да «мест нет». Вот и сейчас на всех столиках таблички «стол заказан», а народу от силы треть зала.

Яша указал нам на столик в самом дальнем углу и величественно удалился. На столике, покрытом кремовой скатертью, стояли солонка с крупной солью, да стакан с салфетками, нарезанными так экономно, словно здесь столовались

лилипуты.

Я огляделся. Ничего так, миленько. Уютненько. Напротив нас была зеркальная стена, визуально расширяющая небольшой зал ресторана. Остальные стены были облицованы темным деревом, с блестками золотистой смолы. С красочными панно в центральной части, на которых доморощенные умельцы как могли, изобразили копии всесоюзно-известных художественных произведений. На одной стене была намазана картина «Утро в сосновом лесу» где резвящиеся медведи напоминали бесхвостых котов-переростков. С другой придурковато таранились Васнецовские богатыри, а похожий на прапорщика Илья Муромец держал ладонь почему-то не над глазами, а у виска, словно отдавал честь посетителям ресторана. Васнецовская Аленушка с третьей стены навела меня на мысль, что неведомому живописцу позировал, опередивший свое время трансгендер. С потолка свисали массивные деревянные люстры, стилизованные под коряги с лампочками в виде свечей. Впечатление посконной старины усиливали стрельчатые узкие окошки с наличниками. По вечерам здесь выступал, аутентичный обстановке, вокально–инструментальный ансамбль «Русь».

Приблизилась официантка. Молоденькая, хорошенькая, еще не успевшая нацепить рабочую маску стервозности. Подала меню в фирменной обложке и молча удалилась. У нее было много дел, а будет еще больше – вечер только начинался. Я проводил взглядом ее ладную фигурку, скользящую

между столиков, и почувствовал приятное возбуждение. В голову закралась шальная мыслишка: а не поднять ли кого-нибудь на вечерок? Впрочем, – урезонил я себя, – сердечными делами займемся позже, а сперва как следует выпьем и закусим. Душа просит праздника, я так долго его ждал!

Открыл меню.

«Обнорский городской трест ресторанов»

Ишь ты, сколько в том Обнорске ресторанов, а поди ж ты – трест!

«Меню порционных блюд на 6 июня 1972 г.»

Прейскурант не поражал особым изобилием, зато удивил ценами: из блюд почти ничего не стоило дороже двух рублей, лишь «севрюга по-московски» да икра из той же севрюги гордо стояли особняком с ценами в три шестьдесят и три тридцать.

Генка по-босяцки желал портвейна, но я вразумил друга: сегодня наш выбор – коньяк. По крайней мере для начала. А к коньяку... ух и развернусь же я сейчас! Шаркну, наконец, по душе!

Вернулась официантка, вынула из передника блокнот и приготовила карандаш. Безошибочно угадав, кто здесь заказывает музыку, вопросительно уперлась в меня своими карими вишнями.

– Тэ-экс... – ответил я взглядом на взгляд, – коньячку нам...

– Коньяк отпускается только бутылкой.

– А нам меньше и не надо! Какой у вас самый дорогой? Самым дорогим оказался Реми Мартин за двадцать рублей.

Нет уж, Реми этого я напился в девяностые, когда был миллионером. Мне чего-нибудь аутентичного, советского. Вот «Апшерон» пять звездочек за одиннадцать тридцать подойдет!

По мере того, как я делал заказ, выщипанные бровки официантки ползли вверх, ибо это выглядело как простое перечисление пунктов меню.

– Издеваетесь? – наконец, не выдержала она, – столько и взвод солдат не съест!

– Девушка, а как вас зовут? – внезапно переменял я тему.

– А какое это имеет отношение?.. Ну, Светлана.

– Светлана! – с восхищением покатал я на языке это светлое имя. – Знаете что, Светочка, на вашем месте я бы снял этот кружевной передничек, купил билет в Москву на первый же рейс и мчался бы на Мосфильм сниматься в главной роли, потому что вы девушка редкой красоты!

Моя грубая лесть произвела впечатление. Все-таки в нашей провинции люди простые им, что не наплети – слушают, развесив уши. Эти самые ушки у девушки слегка покраснели, она разулыбалась, взгляд потеплел.

– Скажете тоже...

– Может Светик, вы нам сами что-нибудь подберете, на свой вкус, а? В выборе не стесняйтесь, потому что деньги

жгут мне ляжку.

Она не стала спорить, очевидно усекла, что пахнет хорошими чаевыми.

Кто-то скажет: вот, мол, идиот – на последние деньги кутить собрался... Возможно, я идиот, возможно. Но я так понимаю – деньги не последние и все только начинается. О причинах такой уверенности сейчас рассуждать не хочется, а хочется кутить!

Не подумайте, на самом деле я не гурман и не делаю из еды культа. Мне обычно все равно что жрать, главное, чтобы обстановка была душевная. А она была таковой. В зале играла тихая музыка, царила приятная прохлада и легкий полумрак, рядом сидел старый друг, и нам было что вспомнить.

Посетителей потихоньку прибавлялось. Швейцар то и дело распахивал дверь перед дядями с волосами и без волос, под ручку с празднично украшенными тетями. Самых солидных встречал Яша, выскальзывая из-за своего администраторского столика и провожая до места.

Генка от приятных предвкушений был возбужденно-говорлив и беспрерывно что-то рассказывал про наших бывших одноклассников. Я доброжелательно пропускал его болтовню мимо ушей, потому что давно забыл их, случайных спутников моего детства. И тут что-то пробилось сквозь расслабленную негу.

– Повесился? Кто повесился? Какая сорока?

– Да не сорока, а Сорока! Витька Сорокин.

– Ах, Сорокин...

Вспомнил я этого Витьку, лопоухого и круглолицего пацаненка, который зачем-то все время хотел стать мои другом, но я не ценил его порывов, и обидевшийся Витька начинал устраивать мне всякие пакости. Кончалось это дракой и периодом взаимного равнодушия, после чего все начиналось сначала.

– Год назад, – рассказывал Генка, – причем, отслужил срочную, вернулся, что-то там со своей девкой не поделил, пошел в туалет и вздернулся на бачке!

– Придурок, – резюмировал я.

– Придурок, – согласился Генка.

И тут Света принесла «Апшерон» с холодными закусками. Мы тут же разлили.

– За встречу!

Немедленно выпили и набили рты салатами.

– Слушай, – вдруг вспомнил я, – а про Настю Князеву знаешь что-нибудь?

– Про невесту-то твою? – лукаво усмехнулся Генка, – Да как у всех: после школы сразу замуж выскочила, родила. Недавно видел ее, опять беременная.

– А муж кто?

– Да обычный работяга. Шоферит вроде.

Я помолчал, что тут скажешь. Дразнили нас женихом и невестой. Таскал я ее портфель и провожал до подъезда. В кино иногда ходили. Все что у нас было, пара неумелых по-

целуев на танцплощадке. Их и поцелуями-то назвать сложно – ткнулись торопливо губами, но вот поди ж ты, губы эти холодные и твердые я запомнил на всю жизнь.

– А Дрозда помнишь? – услышал я голос Генки и понял, что отвлекся.

Колька Дроздов, второгодник которого перевели к нам в шестом классе, ко мне отличнику испытывал классовую неприязнь и не упускал случая нагадить, причем не сам, а через своих шестерок. Дошло до того, что я стал таскать в портфеле отцовский охотничий нож и как-то раз, когда свора уродов, очередной раз попыталась зажать меня в углу, достал и немного им помахал. К счастью, обошлось без крови, но вся эта гоп-компания сразу потеряла ко мне интерес. А Кольку потом посадили за кражу.

– Иду как-то вечерком поддатый, – рассказывал Генка, дожевывая салат, – тут какой-то хмырь навстречу чешет, весь синий от партаков, дай говорит, прикурить. Я смотрю, а это Дрозд откинулся. Гляжу на него, шибзд шибздом. Идолище поганое. И эту гниду мы боялись? Дать тебе, прикурить? – Генка зло хехекнул, и изобразил. – Ну, на, лови! Все кулаки об клыки его железные разбил.

Подоспела официантка с солеными груздями, заливным из осетрины и мясным ассорти. Склонилась над столиком.

– Светочка, а вы замужем? – поинтересовался я, заглядывая в декольте.

– А почему вам это интересно?

– При вашей ангельской внешности разве найдется мужчина, которому это будет неинтересно, особенно если он умен и чертовски привлекателен?

Она снисходительно улыбнулась.

– Особенно, если он чертовски скромен! – и добавила ехидным тоном, – Не светит вам от Светы, молодой человек, я замужем.

– Очень жаль! – вполне искренне сказал я. – Светочка, вы только что разбили мне сердце!

Светлана хмыкнула и убежала, а мы выпили и набили рты груздями и заливным.

Ресторан наполнился под завязку. Сдвинув столики, веселилось несколько больших компаний. Над ними в несколько слоев плавали облака табачного дыма. Здравницы сливались в протяжный гул и безостановочно звенели бокалы. Распутная жизнь лучших советских людей была ключом.

Явились музыканты и начали пробовать свои инструменты.

К тому моменту, как Света принесла горячее, мы уже прикончили полкило. Я было хотел добавки, но Генка взвыл, что душа его больше не принимает этот клоповник и потребовал вина. Я внял просьбам друга, и заказал семьсот пятьдесят «крымского» портвейна. Мы ведь в те годы действительно крепким не баловались, все больше на сладенькое налегали – портвешки, плодово-выгодные и прочую вермуть. Правда на последних курсах универа, я облагородился и стал употреб-

лять всякие рислинги да каберне, в народе небрежно называемые «сухарем» и «кисляком».

Беседуя с Генкой, понял, что рассказывать мне особо нечего. Ну, учусь, езжу в стройотряды, влюбляюсь в сокурсниц, претендую на красный дипломом. Все это было мелким и ничтожным по сравнению с Генкиными рассказами о флотской жизни.

Служил мой приятель в «рулях», так называлась штурманская боевая часть или БЧ-1, по специальности штурманский электрик. Оказывается, все боевые части имели смешные, непонятные сухопутному уху названия: «маслы» – электро-механическая; «рогатые» – ракетно-артиллеристская; «румыны» – минно-торпедная и так далее.

«Раз решили мы бухнуть от скуки, – рассказывал он, – дело зимой было, а зима там жуткое дело, сплошная ночь – к обеду солнце выползет на полшишки и опять за горизонт. Скинулись, ну и пошли два наших моремана в самоволку. У штурманов, в отличие от других БЧ, есть такая привилегия: скажешь вахтенному на трапе, мол, на флагман надо за картами, или за метеопрогнозом, или еще какой хренью и тебя без разговоров пропускают на берег, а дальше через гору и в город. Правда в Североморске с этим делом строго, не дай бог на глаза патрулю попадешь, проблем не оберешься.

Короче, страшно, но жажда сильнее страха. Дошли они до магазина, уговорили какого-то сердобольного мужика взять вина, (матросам там спиртное ни хера не отпускают) тот и

купил им семь огнетушителей. Они их в сумку и скачками до корабля, и уже на горе сообразили: а заносить-то как бухло? На трапе стопудово сумку обшмонают, и вместо праздника на губу угодишь. Спрятали они бутылки в снег и на корабль, совет держать. Недолго думая, взяли мы два рулона карт. Один большой, другой маленький. Внутри большого вставили пятилитровую банку, а внутри маленького просто оставили пустоту. Сошли вдвоем с корабля, нашли бутылки и слили винище в банку, а последнюю бутылку сунули в маленький рулон. Так и пошли – впереди я с большим рулоном, сзади Мелкий с маленьким. А винище-то в снегу охладилось чуть ли не до минусовой температуры, а я, когда собирался vareжки забыл, а у банки крышки не было. Иду, банку за доньшко поддерживаю, чтоб не выпала, а вино, сука, плещется и на руки проливается. Пока до корабля дошли, пальцы окоченели до полной бесчувственности. Надо по трапу подниматься, а он скользкий и обе руки заняты за леера не прижаться. Сейчас, думаю, или выроню или наебнусь и что-то будет. Но дошел как-то. Зато вахтенный в нашу сторону даже не глянул».

Таких историй у Генки имелся непочатый край. Из них складывался образ величайшего распиздяя всех времен и народов.

Жемчужиной коллекции, была легенда о том, как он ездил в город Баку поступать в военно-морское училище.

«В Союзе штурманские факультеты есть только в двух

училищах, – рассказывал Генка, – Ленинградском имени Фрунзе и Каспийском имени Кирова. Ленинградское наш старлей заканчивал и от него мы знали, что порядки там строгие – уставщина и муштра. Терпеть это еще пять лет мне совсем не улыбалось, и я выбрал Бакинское училище. У нас стажировались два его выпускника – полные раздолбаи, толстые и веселые – юг есть юг».

Наступило лето и ему оформили документы на поступление.

До Баку он добрался без приключений. Описывал Генка столицу солнечной республики в самых восторженных тонах. Такой свободы не было даже на гражданке. «А воздух, какой там воздух! А море! Правда, это там где нефти нет». Днем абитуриенты готовились к экзаменам, а вечерами и по выходным шлялись по городу, сидели в кафешках, ходили в кино и на пляж, бухали дешевое вино, знакомились с девушками (русских там много). Местные абреки офицеров недолюбливали, зато к рядовому составу относились вполне дружелюбно. Экзамены Генка сдавал без проблем, но перед последним, по физике, ухитрился заболеть дизентерией. «Жарко там очень, пить все время хочется. Вот и попил водички из-под крана».

Слег он в госпиталь на две недели, а экзамены тем временем закончились. Настало время возвращаться на север. Скворцову оформили проездные документы, и он решил съездить в город, напоследок кутнуть.

Кутнуть кутнул, но при этом подтвердил свою славу раздолбая и умудрился где-то потерять военный билет, в котором, к тому же лежало командировочное предписание и билет на поезд. «Парадка-то ушитая и карманы мы зашивали, чтоб не топорщились, а военник за ремень засовывали. Вот он где-то и выпал, а я по пьяни не заметил».

Таким образом, всех документов у Генки остался один комсомольский билет, который он не брал с собой. С этим багажом он и поплелся в отдел кадров училища, где его послали подальше, заявив, что не знают кто он такой и знать не хотят. На следующий день старший матрос Скворцов явился в Бакинскую комендатуру и пожаловался на жизнь.

Помощник коменданта позвонил в приемную начальника училища, тот устроил разнос своим подчиненным и Генке выписали дубликат командировочного предписания. Толку с этого предписания было ноль, потому что, во-первых, билет теперь надо было покупать за свои деньги (которых не было), а во-вторых – не было в продаже самих билетов. Юг, разгар лета, какие билеты, вы, о чем?

Генка попытался сесть в поезд зайцем, но его каждый раз вытуривали бдительные проводники. И тут ему повезло – прямо на перроне он встретил того самого сердобольного майора-помощника коменданта. В поезде Баку-Ленинград должна была ехать группа детей поступать в Нахимовское училище, майор пришел их проводить и заодно пристроил Генку на место одного заболевшего парнишки.

Однако доехал Скворцов только до Минеральных вод, где ночью сошел с поезда. Нет, нет, не из дезертирских побуждений. Просто он очень долго был, на севере, оставался еще год с лишним и поэтому парень решил сперва заехать домой в Обнорск, немного отдохнуть. Неделька другая ведь ничего не решает, правда? Успеет еще наслужится.

Ситуация в Минводах была схожей с Бакинской – ни денег, ни билетов – но осложнялась отсутствием доброго майора. Тогда Генка набрался наглости и атаковал проводников поезда Минводы-Обнорск. Здесь были не тертые Бакинские азеры, а русские девчонки-студентки. Размахивая у них перед носом своим предписанием, он потребовал немедленно везти его к месту службы.

Девчонки дрогнули и отправились к начальнику поезда. Начальник – молодая тетка, прониклась сочувствием к парнишке и согласилась дать место... но, при условии полной оплаты проезда.

Трудно сказать, на что он рассчитывал, когда стоял возле ее купе. Скорей всего полагался на авось. И тут ему повезло во второй раз. К нему приблизился, слегка пахнувший вином, молодой человек приятной наружности, очевидно привлеченный морской формой и поинтересовался, чего он тут грустит? Быстро выяснилось, что приятный молодой человек является выпускником того самого Каспийского училища, которое он только что закончил и, получив воинское звание лейтенанта, едет в отпуск на родину.

Узнав в чем состоят Генкины затруднения, новоиспеченный лейтенант ни секунды не колеблясь, достал из портмоне два таких же новеньких червонца и вручил их старшему матросу, после чего удалился в направлении вагона-ресторана.

Так Генка доехал до Обнорска.

Родственникам он наплел, что приехал в законный отпуск, те и уши развесили. Но не успел он как следует насладиться гражданской жизнью, как вдруг на имя отца пришла телеграмма за подписью главного военного прокурора города Североморска, мол, в случае появления вашего сына просим немедленно сообщить и все такое прочее.

Что тут началось! Сообщать конечно никто никуда не стал, но Генку быстро собрали в путь. Возник вопрос: как отправлять? Поездом далеко и долго, а чтоб купить билет на самолет, с семидесятого года нужен паспорт или военный билет. А у Генки ни того ни другого.

Ничего, любой вопрос можно решить. Подключив тяжелую артиллерию в виде тети Лены, директора треста комиссионных магазинов, купили авиабилет по комсомольскому билету. Но, надо же еще как-то сесть на самолет, а для этого тоже нужен паспорт. Сообразительные родственники вручили Генке обложку от серпастого-молоткастого и держа эту обложку перед собой как икону, он бодро прошагал мимо контролеров в аэропорту. Риск, конечно был, но те даже не взглянули, военный же.

И что, конец истории?

Конечно же нет! Потому что билет ему купили не до Мурманска, а до Архангельска. В Мурманск из Обнорска нет прямого авиарейса, а в Архангельск – есть. Вот родственники и подумали: от Мурманска до Архангельска рукой подать – доберется как-нибудь. Доберусь, чего там, согласился Генка.

Вот только и Генка, и родственники не очень хорошо знали географию, из которой известно, что разделяет эти два близких города, Белое море, которое так просто не перепрыгнешь. Вернее, как разъяснили Генке в аэропорту Архангельска, без документов вообще никак не перепрыгнешь, потому что пограничный контроль и всё такое.

Раз пересечь нельзя, попробуем объехать, решил наш путешественник и отправился на вокзал, где его ждал очередной сюрприз.

– Нет такого рейса, – обломала тетка в кассе в ответ на просьбу продать билетик до Мурманска и на вопрос: что же делать? – равнодушно отвернулась.

Тогда Генка решил повторить Бакинский трюк и обратился в комендатуру, ну и тут к своему удивлению, столкнулся с полнейшим равнодушием.

– Я чо, пойду искать твои документы? – удивился дежурный и помахал рукой, вали, мол, не отвечивай.

Вот это уже, без преувеличений, полная жопа, – размышлял Генка, прогуливаясь по набережной Северной Двины. Несколько дней он болтался по городу ночуя на вокзале и в

речпорту, пока наконец в его стриженую голову не пришла светлая мысль.

Дело в том, что на его корабле, который считался флагманским, находился штаб оперативного дежурного по эскадре и личный состав БЧ-1 традиционно использовали в качестве помощников дежурного. Генка и сам много раз был помощником. Вахта не пыльная, сидеть ночью на Ходовом посту и принимать телефонограммы пока дежурный офицер дрых на диванчике, да иногда бегать с поручениями на соседние корабли. Уж всяко лучше, чем заступать в караул на гауптвахте или чистить гнилую картошку. Так вот, Генка решил позвонить этому самому дежурному и пожаловаться на жизнь, мол, всеми силами стремлюсь на родной корабль, но непреодолимые стены вырастают на пути.

Сказано-сделано и бравый моряк отправился искать городской Главпочтамт, где наверняка имелся межгород. Он ходил и спрашивал прохожих, а те посылали его в разные стороны, пока в троллейбусе не встретил симпатичную девушку, которая в ответ, задала встречный вопрос: «А зачем он вам?»

Генка поведал ей свою историю, и девушка сказала неожиданно твердым голосом: «Вам надо помочь! Едемте со мной».

По дороге выяснилось, что девушка работает учителем в школе, ведет младшие классы, а заодно и живет при той же школе в служебной квартире. В учительской был телефон, и

Генка позвонил по хорошо знакомому номеру.

Сказать, что оперативный дежурный был удивлен, значит ничего не сказать, он тут же отправил помощника и через пять минут вахтенный офицер корабля был у телефона. И вот тут Генку ждал очередной сюрприз: каплей Криворотов оказался равнодушной скотиной, он промямлил что-то невнятное, типа, а я тут причем? И положил трубку.

Вот это был удар ниже пояса! Ну ладно посторонние люди, но от своих, такого предательства Генка не ожидал.

Вошла девушка, увидела его растерянное лицо и предложила остаться пока у нее. Генка остался и первую ночь честно спал на полу. На вторую ночь они уже не удержались и сбылась ученическая Генкина мечта – трахнуть училку.

Забегая вперед, надо сказать, что каплей Криворотов от неожиданности просто протупил. Уже через минуту он понял, что натворил и понесся к старпому, по дороге роняя кал. Ему, кстати, потом вlepили строгий выговор. На корабле началась паника. Штурману срочно выдали аж триста рублей и отправили в Архангельск искать Генку.

Генку он естественно не нашел – Архангельск город не маленький – прокутил по ресторанам командировочные и вернулся ни с чем.

А Генкина история продолжалась.

Девушку звали Оля, она приехала из Витебска и несколько дней Генка не мог от нее оторваться, драл день и ночь, с короткими перерывами на сон и прием пищи, пока не довел

до полного изнеможения.

Оля была гораздо старше Генки и прекрасно понимала, чем вся эта мерехлюндия может для него закончиться. Придя в себя после сексуального марафона, она принялась действовать – отправилась на вокзал и выяснила, что добраться до Мурманска по железной дороге все-таки можно. Одним единственным прицепным вагоном, который отправлялся раз в неделю поездом Архангельск-Ленинград и на какой-то промежуточной станции перецеплялся к другому составу. Выяснив это, она купила билет на завтрашний день и вечером преподнесла его Генке.

Генка одновременно был рад и расстроен. Он не хотел отлепляться от Оли, хотя успел уже несколько пресытиться сексом. Да и ей, эта случайная связь стала немножко в тягость и провожать его она пошла, в основном для того, чтобы лично убедиться в отъезде нечаянного любовника.

До перецепки Генка добрался без приключений, но на перегоне Беломорск – Кемь, когда вышел покурить в тамбур к нему обратился человек представившийся Колей.

Коля был уже немного датый, и сообщил, что его младший брат служит в морфлоте и поэтому он хочет Генку угостить.

Почему бы не угоститься? – подумал Генка, – особенно на халяву, и согласился.

Коля купил у проводника бутылку водки, добыл откуда-то два стакана и соленый огурец. Генку насторожила такая скудная закуска, но не отказываться же от угощения. Ва-

гон был полупустой, и они без труда нашли свободный плац-карт. Коля набулькал водку до краев, видимо считая, что меньшими дозами моряки не пьют, и бодро вылакал свой стакан. Генка неразумно последовал его примеру и чуть не захлебнулся, водка была теплая и мерзкая на вкус. Они поговорили минут пятнадцать, съели огурец, допили остатки водки, после чего Коля счел свою хлебосольную миссию выполненной и удалился.

У Генки приятно шумело в голове и хотелось продолжения банкета. Родительские деньги еще оставались, и он пошел в вагон-ресторан. Первым кого он там встретил, был Коля. Они обрадовались друг другу, как старые друзья после долгой разлуки и заказали шампанского. Как пили первый бокал Генка еще помнил, а дальше как в песне Высоцкого: «Ой, где был я вчера – не найду днем с огнем. Только помню, что стены с обоями...»

С той разницей, что Генка не помнил и стен.

Зато на всю жизнь запомнил стены, в которых он пришел в себя.

Это был бетонный пенал два на полтора – камера-одиночка гарнизонной гауптвахты города с намекающим названием – Кандалакша.

– Пиздец тебе парень, – сказал ему дубак-прапор, – года на два дисбата накуралесил. Точно говорят – пьяная матросня хуже динамита!

Прапор был не в курсе, сам ли Генка сошел с поезда или

его сняли. Но зато знал, что случилось после. А было так: бухой в сиську мореман, вместе с каким-то, таким же пьяным морпехом бегали по перрону, орали благим и не очень благим матом. Потом дрались с патрулем и Генку никак не могли уgomонить, пока не связали веревками и не заткнули рот кляпом.

– Ты ж начальника патруля на хуях при всех таскал, в морду ему плевал, – усмехался прапор, – если он заявление напишет – готовься дружок, точно дисбат.

И тут Генке повезло в третий раз – начальник патруля оказался его земляком из Обнорска и, узнав про это, не стал писать заявление. Генкино заключение ограничилось десятью сутками.

В справке, которую ему выдали, причиной задержания значилась стандартная формулировка: «самовольное оставление части».

– А ведь тебя не за это задержали, – задумчиво сказал прапор, выдавая Генке вещи и комсомольский билет, которые, как ни странно, оказались в целости и сохранности. Но переписывать справку ему было лень и это стало уже четвертым везением.

На Кандалакшский вокзал Генка прибыл без копейки денег, но с богатым жизненным опытом. Две симпатичные студентки, подрабатывающие на каникулах проводницами, сразу сдались, как только он сунул им под нос свое предписание. «Действительно, – сказала одна другой, – какой тебе билет,

ведь у него предписание! Да и поезд пустой, пусть едет»

В поезде Генка пил портвейн с каким-то геологом, закусывая сгущенным молоком. Геолог сходил в Оленегорске. Он тряс пачкой заработанных денег и звал Генку в гости. Генке хотелось в гости к геологу, но каким-то шестым чувством он понял, что запасы везения исчерпаны и больше испытывать судьбу не стоит.

На Мурманском автовокзале, он подошел к кондукторше и честно сказал, что денег нет, но ехать надо и строгая женщина ничего не смогла ему возразить.

По дороге в Североморск, Генку было сняли с автобуса суровые морпехи, проверяющие у пассажиров документы. Их капитан долго изучал его комсомольский билет, а потом сказал: «Да хер с ним, пусть едет», и Генка успел заскочить в уже отъезжающий автобус.

На трапе родного крейсера его как дорогого гостя встречал сам старпом (позвонили с КПП). И первым его вопросом было:

– Скворцов, где ты шляется, мудила?!

И тут пригодилась справка с губы. Сделав честные глаза, Генка сообщил капитану второго ранга: «Мол, ехал-ехал, стремился на родной корабль, и тут ни с того ни с сего снимают с поезда и сажают за решетку!»

На следующий день Генку вызвали к командиру.

Он шел в сопровождении замполита, понимая, что сейчас будет решаться его судьба. Командир корабля для личного

состава – царь и бог: захочет – помилует, не захочет – отдаст на съедение прокурору. У Генки тряслись поджилки, а в голове складывались оправдательные речи.

Но никаких слов не понадобилось. Командир его даже не принял. Стоя в коридоре, возле открытой двери в командирскую каюту Генка, слушал его разговор с замполитом.

«Парень честно хотел попасть на корабль, – говорил каприз, – звонил, просил помощи, не его вина, что кругом раздолбаи. Передайте прокурору, чтоб закрывал дело».

Пока Генка рассказывал, мы прикончили вино.

– Фелька, – внезапно поинтересовался мой друг, – а ты по какой науке-то учишься?

– Да как по какой, я же те говорил – химия.

– Химия-химия – заржал Генка, – вся залупа синяя!

Я понял, что он уже основательно набрался.

В этот момент музыканты грянули: «Потолок ледяной, дверь скрипучая...»

Генка выскочил из-за стола и выплясывая, как гамадрил перед случкой, слился с толпой танцующих.

Мне бы тоже пуститься в пляс, но я почему-то совсем не опьянел, только стал задумчивым. Какого черта, я сижу в этом кабаке, пью и жру плоды развитого социализма? А с другой стороны, что мне делать? Решать сверхзадачу? Думать, как обустроить жизнь? Строить планы на будущее? Смешно строить планы человеку, у которого нет цели и который не знает, что с ним будет завтра. Нет, не буду я стро-

ить планов, а лучше сниму какую-нибудь будущую бабушку.

* * *

Когда мы покинули «Лесную сказку» на часах было всего девять, можно было веселиться дальше, но, честно говоря, меня утомили эти элементы советской сладкой жизни. В ресторане было много красивых женщин, но за красивыми надо ухаживать, говорить слова, рисовать перспективы. Красотки из ресторана за здорово живешь в койку не лягут. А мне хотелось всего, сразу и по бюджетному варианту.

Мы вышли на воздух одуревшие от портвейна и оглохшие от громкой музыки. Генка со словами: «Только бы не на смене была!», поспешил к телефонной будке и завис там минут на десять. Я терпеливо ждал, любуясь на закат.

– Договорился! – Генка был весел и возбужден. – Валим в общагу.

По дороге мы заскочили в дежурный гастроном, где затарились тремя огнетушителями с «Белым крепким» и тортом «Прага».

– Она эта... как её... водитель, – рассказывал Генка, – троллейбус водит. Ехала, рога скинулись, ну я помог приладить. С тех пор и прилаживаю, – он засмеялся собственной шутке, – прикинь, Венерой зовут. Какая-то она башкирка что ли. Порется, будь здоров! Правда ей уже двадцать девять, но мне жениться что ли? Там их три подружки в одной комнате живут.

– И что, все троллейбус водят?

– Две троллейбусы, а одна трамвай.

Почему-то нам это показалось очень смешным, так и ржали всю дорогу, держа в руках бутылки как противотанковые гранаты.

Общага троллейбусного парка высилась серой громадой обшарпанных стен. К стеклянным дверям вестибюля мы не пошли.

– Там строго, вахтер злющий, сразу поперет, – объяснил Генка, – Девки через окно парней водят. Я с Венеркой договорился, она нам окно на первом этаже откроет, – он глянул на часы, – через десять минут.

Окно нам открыла темноволосая грудастая девушка с восточным лицом. Довольно-таки симпатичная, что для меня было особенно важно, потому что это оказалась не Венера.

– Салют, Рая! – приветствовал ее Генка, подавая в окно бутылки и коробку с тортом. – А Венерка где?

– К комендантше пошла за бельем, – отвечала девушка распевным голосом, – а меня послала вас встречать.

Мы влезли в окно, пробрались через захламленную комнату, заставленную разобранными панцирными кроватями, и вышли в коридор.

– А где, твой-то? – осторожно поинтересовался Генка, – Как его... Василий?

– Выпиздила мудака, – так же распевно отвечала Рая.

– Так ты теперь свободна?

Она кивнула.

– Как дырка в заборе.

– А чего так-то? Парень вроде неплохой, – не отставал от нее Генка, усиленно мне подмигивая и показывая большой палец.

Раиса шла перед нами, покачивая литыми бедрами.

– Все вы хорошие, когда засадить хотите.

– Ну, это ты, Раечка, обобщаешь. Тебя послушать, так все мужчины примитивные существа, обуреваемые низменными страстями.

– Именно! Вот ты, наверняка, приперся сюда с бухлом, классическую музыку послушать. Других целей у тебя, конечно же, нет?

– Не без этого, видишь ли, женщина – это произведение искусства, а тяга к искусству лишена цели.

Она недоверчиво фыркнула и тут мы пришли.

Девчонки жили в большой комнате. Обстановка спартанская – три кровати вдоль стен с одинаковыми тумбочками у изголовья, платяной шкаф и квадратный стол у окна. На стенах фото киноартистов, вырезанные из журнала «Советский экран».

– А Люсьен где? – поинтересовался Генка насчет третьей обитательницы комнаты.

– Домой поехала на выходные, завтра к утру пожалуйет. Да вы рассаживайтесь, – Раиса радушно кивнула на хлипкие стулья с драной обивкой. – Извиняйте, гостей не ждали, так что чем бог послал.

Бог сегодня был не слишком щедр. На столе стояли две открытых банки, с кильками в томате и кабачковой икрой, в кастрюльке исходила паром вареная картошка. Картину довершала трехлитровая банка огурцов домашней засолки и буханка черного хлеба.

Скворцов, солидно крякнув, расставил на столе наш вклад – три бомбы темного стекла, а торт, подумав, пристроил на подоконнике.

Мы уселись возле окна друг напротив друга и Генка, не спрашивая разрешения, закурил. Раиса, с независимым видом рылась в шкафу, нарочито, не обращая на нас внимания, а я украдкой ее рассматривал. Несмотря на не слишком приветливую встречу, она мне понравилась. Выражение ее скуластого лица с темными продолговатыми глазами, я бы назвал спокойно-развратным, а туго обернутая в цветастый халатик статная фигура (лифчик она надеть не удосужилась), волновала и будила низменные страсти.

Тут явилась Венера со стопкой свежего белья. Ее внешность вполне соответствовала облику статуи с острова Милос – пышненькая, щекастенькая, в русых кудряшках и с греческим носом, только что руки на своих местах. Этими руками она кинулась обнимать, вскочившего при ее появлении Генку. Они так аппетитно тискались и чмокались, что мне стало завидно.

– Геннадий! – сказал я ему с укоризной, – Может ты, наконец, перестанешь целоваться и представишь меня девуш-

кам?

– В самом деле, привел, не пойми кого... – своеобразно поддержала меня Раиса, – Венерка, хватит лизаться, будто год его не видела. Позавчера только, полночи с тебя не слазил.

– Грубая ты Раисочкина! – обиженно сказала Венера, отлипая от любовника и усаживая его обратно на стул. – Не слушайте ее, молодой человек, она бешенная.

Тут она уставилась на меня и расцвела.

– Симпатичный! Гляди Раиска, какого кавалера тебе Геночка привел! А ты вечно всем недовольна!

Раиса пренебрежительно хмыкнула.

– Иные кавалеры, хуже холеры.

Тут вступил Генка и стал, наконец, меня представлять. Надо отдать ему должное, я у него был и «светлая голова» и «круглый отличник» и «будущий академик».

Венера смотрела на меня с восторгом, а у Раисы в глазах зажегся огонек интереса. Чтоб разжечь его еще больше, я взял, да и поцеловал ей ручку. Ну как ручку, рука у нее была, что надо – рабочая. Ладонь чуть уже моей. Такая, даст в лоб, мало не покажется. Вспомнились её слова про бывшего ухажера.

– Какая прелесть! – захлопала в ладоши Венерка, – А мне, а меня?

– Тебе пусть Генка целует, – осадил ее Рая, приятно удивленная моим джентльменским жестом, и добавила, – во все

места.

– Ну что, метнемся к стаканам! – пригласил Скворцов, срезая ножом пластиковую пробку с «огнетушителя». – В смысле – прошу к столу!

Разлили, чокнулись: «За встречу!» Выпили.

Генка стакан, я полстакана, девчонки пригубили. Им хотелось больше, но они пока стеснялись. Видя это, я провозгласил:

– Рюмочка по рюмочке – веселый ручеек!

И снова разлил.

Через полчаса прикончили первую бутылку. Глаза у девушек заблестели, они уже пили наравне со мной. Теперь, под воздействием винных паров они казались мне настоящими красавицами. Венера пышная и румяная как сдобная булочка, ее непременно хотелось надкусить. Раиса, напротив, спортивная и крепкая (как оказалось, кмс по плаванию), такая сама кого хочешь надкусит.

В дверь постоянно лезли какие-то хари, пьяные и не очень. Это были отвергнутые поклонники и претенденты. Они хотели набить нам с Генкой морды и одновременно упасть на хвост. Девки со смехом и руганью выталкивали их за порог.

Еще через пару часов, после выпитой второй бутылки и начатой третьей нам захотелось музыки.

На стареньком проигрывателе завели пластинку певца Рафаэля и принялись танцевать. Мне почему-то выпало танце-

вать с Венерой. Девушка ласково хлопала рыжими ресницами и прижималась мягкой грудью, а ее халат нескромно спал с одного, то с другого плеча.

– Люблю Рафаэля, сил нет! – блаженно шептала девушка под сладкие рулады, испанского гомика. Она об этом не знала, и ей было хорошо.

Однако, танец наш был недолгим.

– Убери руки, козел! – прошипела Раиса и добавила громко. – Венерка, забери своего кобеля.

– Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты... – пьяно бормотал Генка, – воображала, хвост поджала...

Чтоб разрядить обстановку, я рассказал анекдот про «вуглу скребет мышь». Девки скисли от смеха, повторяя: «кто такой вуглускр?»

Закрепляя успех, быстренько разлил и пригласил:

– Комарики-лягушки, выпьем бормотушки?

Выпили, сменили пластинку на Ободзинского. Через пять минут Раиса танцевала уже со мной. Я не стал повторять Генкиных ошибок, и вместо того, чтоб хватать ее за выступающие части тела, легонько придерживал за тугую талию иногда спускаясь на бедра. Затем склонил голову и то и дело, словно ненароком касался кончиками губ ее шеи, чувствуя, как она млеет от этих касаний. Мы медленно кружились в полумраке под «Эти глаза напротив» и потому как она дышала, я понял, что «эти глаза уже не против». Постепенно мы дрейфовали к стенке, к которой я Раису слегка прижал. Она

не оттолкнула, тогда я поцеловал ее в пахнущие вином губы, она не сразу, но ответила. Не помню, сколько длился этот поцелуй, возбуждение накрыло меня волной цунами. Когда, наконец оторвался, спросил хриплым голосом:

– Ну что?..

– Что? – отозвалась она со сбившимся дыханием.

– Может?.. – я затруднился сформулировать свое предложение, но это и не понадобилось. Раиса отстранила меня и, быстро наклонившись, достала из тумбочки ключ. Венера проводила ее движение понимающе-насмешливым взглядом.

– Пошли, – шепнула мне девушка и выскользнула в коридор.

– Э-э... куда? – заволновался Генка, но я только отмахнулся, надо было ловить удачу за хвост и ковать пока горячее железо.

Мы поднялись на третий этаж, и она отперла дверь в комнату, близнец той из которой мы пришли, только пустую.

Как оказалось, за внешней грубостью Раисы скрывалась необузданная страсть. Едва успев закрыть дверь, она тут же залезла рукой мне в ширинку. За одну минуту справившись с застежкой, выкатила наружу орудие, которое, надо сказать, уже давно рвалось в бой.

Я, не давая спуску, мигом распоясал на ней халат и извлек на свет чудные грудки, каждая размером с небольшую дыньку. Тут же стал их целовать и нежно покусывать, одновременно

менно избавляя от остатков одежды себя и ее. Через минуту мы, уже голые хлопнулись на кровать.

Как все быстро случилось, думал я, раздвигая ей ноги, и влетая своей ракетой во влажно хлюпнувшие глубины женской вселенной.

Вселенная у Раисы оказалась что надо – компактная! Моей ракете было тесно, и у меня родилось другое сравнение. Теперь я ощущал себя шатунным механизмом, обеспечивающим возвратно-поступательные движения могучего поршня. Кровать под нами скрипела и ходила ходуном. В какой-то миг, Раиса рывком освободилась от меня и сжалась в дергающийся комок, кусая подушку, чтоб не закричать. Я решил, что сделал ей больно, но это был всего лишь оргазм.

Через минуту девушка расслабилась и требовательным жестом пригласила продолжить. Мне хотелось целовать ее мокрые от слез щеки, и продолжать я решил в миссионерской позиции. Это был просчет: через десять минут моей безостановочной бомбежки, она кончила второй раз и выгнулась всем сильным телом, сделав «мостик». Не успев что-либо сообразить, я слетел с нее, и вообще с кровати.

Лежа на коврикe, увидел над собой ее испуганное лицо. Девушка пришла в себя и обнаружила пропажу любовника. Минут пять мы тряслись от смеха, потом она упала на меня сверху, и мы продолжили борьбу на полу. Здесь я утратил инициативу, в атаку пошла Раиса. Она вертелась на мне, прыгала, терлась, извивалась, в перерыве между оргазмами

спрашивала, не устал ли я и почему не кончаю?

Я чувствовал себя половым гигантом, выполняющим свой сексуальный долг. Изрядное количество поглощенного алкоголя снизило чувствительность моего отбойного молотка, но при этом не мешало железному стояку. Молодость, что тут скажешь. Мне уже стало казаться, что мы будем трахаться всю ночь, но тут Раиса подобрала правильный угол, амплитуду и ритм и я, наконец, взорвался вулканом Кракатау, выпустив миллионы тонн пепла и раскаленной лавы, ну и спермы, конечно, грамм десять.

Мы долго молчали, обнявшись на полу, потом перебрались на кровать и начали разговаривать.

– А ты не боишься... э-э, залететь? – проявил я несколько запоздалый интерес.

– Нет.

– Почему?

– Аборт сделала в семнадцать лет... Врачи сказали – детей не будет. Удобная любовница, правда?

Из дальнейшей беседы выяснилось, что по национальности Раиса – татарка. Что она терпеть не может, когда ее называют Райкой. Что ей двадцать шесть лет, а в Обнорск она приехала из Казани. Поссорилась с родителями, назло им бросила спортивный институт на последнем курсе и уехала. Устроилась работать водителем троллейбуса. Так третий год и работает. Почему водителем троллейбуса? Потому что водить очень любит, а женщин никуда кроме как на троллей-

бус не берет. Ну, еще на трамвай, но это вообще пародия на вождение – даже руля нет.

Раисин отец большой спортивный начальник и у них всегда была машина, так что она с восемнадцати лет за рулем. Отец на служебной «волге», а она на «москвиче». А сейчас у них «жигули-копейка». Хорошая, говорят, лайба.

Родители усиленно зовут вернуться, восстановиться в институте и все такое. Раиса пока держится, хотя злость уже прошла и соскучилась очень, да и на «жигулях» погонять охота. Так что скоро, наверное, поддастся на уговоры.

– А у тебя, в этом твоём Новосибирске, девушка есть? – вдруг спросила она.

– Есть, – честно сказал я. Кто за язык тянул? Тем более девушка не у меня, а у моего э-э... оригинала – Наташка – моя будущая первая жена.

– А ты ее не любишь! – горько констатировала Раиса.

– Почему? – глупо спросил я.

– Потому что, когда любят, не ебутся с первыми встречными! – с этими словами она от меня отвернулась.

– А ты, что ли, не с первым встречным? – зачем-то начал спорить я.

– Нет!

– Как это?

– А вот так, это! Когда парень девушке нравится, он не может быть первым встречным! Или ты думаешь, что я со всеми так, через полчаса в койку прыгаю?

– Это, я что ли понравился?

– Ужасно! – внезапно созналась она. – Как увидела тебя, чуть с катушек не соскочила. Подумала, что-то будет...

Я замер от этого неожиданного признания, а потом прижал ее к себе, поцеловал за ухом. Я ее почти любил.

– Что во мне такого?

– Не знаю... такое впечатление что ты светишься. Будто ты не отсюда. С тобой свежо, а от остальных болотом воняет...

Опаньки, – подумалось мне, – нарвался на женскую интуицию... «не отсюда...»

От Раисиных слов у меня поневоле опять все поднялось. Я, было, начал потихоньку к ней пристраиваться, но, к своему удивлению, услышал лишь тихое сопение – девушка спала. Таким сладким сном, который и потревожить-то грех. Ну и ладно, – подумал я, – утром продолжим. Уткнулся лицом в ее волосы и тут же провалился в сон.

* * *

Мне приснился рыжий кот. Он терся об мою ногу и требовательно мяукал. Жрать что ли хочешь, сволочь? – спросил я его, – Сейчас что-нибудь найду.

И тут я выпал из сна, как из окна.

А на окне, открытом на ночь из-за жары, на фоне серого рассвета, сидел рыжий кот и требовательно мяукал.

– Брысь! – сказал я ему и протер глаза. Кота не было. И Раисы рядом не было.

Мои вещи лежали на тумбочке аккуратно сложенные, а на столе записка: «Извини, мне рано на смену, не хотела тебя будить. Будешь уходить, захлопни дверь. Спасибо за вчерашнее. Прощай!»

Почему прощай, зачем прощай? Не собирался я ее прощать, напротив, хотел повторения случившегося с нами сексуального безумия.

К Генке заходить не стал, так как в упор не помнил в какой комнате мы вчера гуляли. Его телефон был записан на ресторанной салфетке – звякну позже. Вышел через вахту вместе с шоферами, угрюмо бредущими на смену.

На остановке топтались несколько человек в ожидании первого автобуса. Мужчины хмуро курили, а женщины зябко ежились в легких платьях. Утром выпала роса, намочив скамейки, поэтому садиться я не стал. В похмельной голове царил пустота. Ныл кобчик, отбитый об пол во время скачек на мне лихой наездницы. Переднее хозяйство я тоже основательно натер. Побаливали натруженные вчера мышцы пресса и задницы. За все в жизни приходится платить, грустно заключил я.

Наконец, подошел автобус, чистый и пустой, оттого насквозь прозрачный.

Я ехал и вяло размышлял. Денег после вчерашнего загула осталось еще около сотни. Надо купить каких-нибудь шмоток, плюс поесть, плюс обещанный подарок для Женьки. Но сперва, поспать хотя бы пару-тройку часов.

Первым кого я встретил возле своего подъезда, был рыжий кот. Он сидел на лавке и имел такой вид словно запарился меня ждать. Кис-кис, иди сюда, гад! – сказал я ему и протянул руку почесать за ухом. Зверюга, недовольно мявкнув, спрыгнула с лавки и скрылась в кустах сирени.

Осторожно ступая, словно боясь разбудить Женьку с ее бабкой, поднялся по лестнице и отпер дверь. Разулся, прошел в зал и остолбенел – из-под межкомнатной двери снова пробивалась полоска света.

Ожидал ли я, что портал откроется вновь? Не то слово, я был в этом почти уверен. Почему? Ведь те, кто дал мне возможность шагнуть через время, могли сделать это просто так, из любви к искусству, а настоящее искусство, как говорит Генка, лишено цели. Что я знаю про их логику? Тем не менее, как бывший ученый (хотя ученые, как и шпионы «бывшими» не бывают) я имею основания полагать, что участвую в чем-то эксперименте, и при этом не в роли подопытной крысы, а в качестве их коллеги младшего уровня.

Вероятно, неведомые экспериментаторы желают воздействовать на прошлое, а мне отводится роль разумного жука, брошенного в человеческий муравейник. Но чтобы жук мог не просто посеять хаос, а действовать целенаправленно ему необходима устойчивая обратная связь иначе муравьи, посетившись некоторое время, просто-напросто его сожрут. Система вернется в равновесное состояние, возможно в еще худшем варианте чем до пришествия жука.

Ну что ж: эксперимент, как говорится, есть эксперимент.

Уже готовясь шагнуть в открывшееся мне белое марево, я вдруг сообразил, что одежка Женькиного брата на мне просто-напросто лопнет. Разделся до трусов, свернул рубашку с брюками и сунул под мышку. Зачем? Ну надо же иметь доказательство, что действительно побывал в прошлом, а не просто сошел с ума. В таком странном виде и вошел в портал.

Глава 3

Я опять стоял задом к двери, только в этот раз на своих двоих.

Все то же самое в том же виде, как и оставил.

Мой ноутбук, телевизор, бокал с коньяком и остатки бутербродов, раздвинутый и застеленный диван, а на часах половина первого. Снова ночь за окном и где-то воеет беспокойная собака.

Обернулся, дернул дверь и убедился, что она опять была заперта.

Подошел к зеркалу: на меня смотрел обрюзгший старик с чужими шмотками под мышкой.

Н-да, после того как побывал в молодом теле, вновь превращаться в старую развалину прискорбно вдвойне. Почему не втройне? Да потому что у меня теперь есть шанс вновь вернуться в молодость!

Понюхал коньяк, затем попробовал – вроде не выдохся. Куснул бутерброд – хлеб свежий. Обуреваемый подозрениями, включил ноутбук и сверился с календарем. Хм, так и есть – седьмое июня.

Значит за те сутки, что я гулевал в прошлом, в моем настоящем, время не сдвинулось с места. Как такое возможно? Да господь с тобой, а как вообще возможно попасть в прошлое? Если забивать голову вопросами, на которые нет и

не может быть ответа, не останется времени подумать о действительно актуальном. Например, о том, что делать дальше?

Итак, какие у нас варианты?

Можно забыть на тайные желания неведомых экспериментаторов и, сбежав в прошлое насовсем, прожить новую интересную жизнь. Я и старой-то до поры до времени был вполне доволен, а теперь зная будущее, можно и вовсе устроиться по высшему разряду. Хороший план?

Хороший, но тупой. Такое поведение подопытного просчитывается на раз, поэтому он может сработать только в одном случае: если экспериментаторы именно этого и хотят. А они не хотят, иначе не открыли бы портал назад.

Хотят – не хотят... любит – не любит... чего я буду голову ломать, пусть как-нибудь донесут до меня свои желания. А пока, как обычно, прислушаюсь к внутреннему голосу.

Внутренний голос сказал мне, как Василиса Прекрасная в сказке: «Ложись-ка ты спать Феликс Константинович, утро вечера мудренее!»

Я засадил колпачок «новопассита», запил коньяком, стелая и охая, добрал до дивана и через десять минут забылся тяжелым сном пожилого младенца.

Спал я на удивление крепко, как давно уже не спал.

Проснувшись в девять, некоторое время лежал, прислушиваясь к ощущениям и, с удивлением обнаружил причину хорошего сна: во всем теле ничего не ныло, не болело и не тянуло, что само по себе было удивительно. Может меня ма-

лость починили в процессе перехода? Встав с дивана, долго разглядывал в зеркало свою физиономию, всю в седой щетине, ища признаки омоложения.

Не нашел и вздохнув, отправился умываться и бриться.

Принимая душ, во всех подробностях вспомнил Раису и, с удивлением, ощутил прилив крови в паху. Грубо говоря, у меня встал. Пусть на полшестого, но и этого не наблюдалось уже несколько лет.

Вышел из ванной в прекрасном настроении. Насвистывая бодрый мотивчик, на всякий случай проверил дверь в портал – заперто, как и предполагалось. Ничего, откроют куда денутся. Ясно же, что имеют на счет меня, какие-то планы. А пока прошвырнусь по магазинам, подготовлюсь к следующему визиту в комсомольскую юность.

К обеду я стал счастливым обладателем целого вороха дешевых азиатских шмоток. Взял джинсы разных фасонов, рубашки и майки нейтральных расцветок. Примерить я их, разумеется, не мог, поэтому ориентировался на размер одежды Женькиного братца. Решил, что не подойдет загоню по спекулятивным ценам. Из обуви взял неприметные кроссовки и сандалии, ну и о нижнем белье не забыл. На подарки купил индийской бижутерии, косметический набор, духи, несколько пар колготок, да десяток одноразовых зажигалок с голыми девками.

Подумав, приобрел Женьке джинсовую юбку, благо стояла копейки, а молоденькая продавщица комплекцией была

один в один, и бесплатно дала кучу ценных советов.

Потратив на все, про все около пятнадцати тысяч, рассудил, что, неплохо было бы наладить взаимовыгодный обмен между прошлым и настоящим. Что ценного можно вывезти из Союза на машине времени? На ум кроме золотых украшений ничего не шло.

Вернувшись домой, я засел за ноутбук. Выходило, что золотишко советское обходилось гражданам дороговато. Зато современные российские скупки брали золотой лом за сущие копейки. Овчинка выделки явно не стоила. Оставались всякие сайты для коллекционеров и просто ностальгирующих личностей, где покупались и продавались разные вещицы родом из СССР.

Там среди прочего, встречалась даже экзотика вроде предложения купить презервативы производства семьдесят седьмого года по пять тысяч рублей за единицу товара. Старательно напрягся, но так и не смог представить себе градус ностальгии, который заставит человека, купить сей резино-технический раритет за пять штук, а потом натянуть его на конец.

Когда часовая стрелка достигла половины пятого, стало совсем темно. Мой дух рвался в эпоху светлого социалистического застоя. Туда же, к радостям жизни, стремилось и брэнное тело. Каждые пятнадцать минут я вскакивал и проверял дверь в портал, хотя умом понимал, что скорей всего она откроется, как и в прошлый раз, ближе к полуночи. Еще

раз перебрал свои обновки, тщательно проверил этикетки на предмет даты выпуска и упаковал все в неприметную холщовую сумку. Решил, когда буду проходить портал, трепетно прижму ее к груди.

Чтоб скоротать время, заставил себя читать разную инфу о начале семидесятых. Таким образом убил еще три часа, совсем изнемог от нетерпения и решил пойти прогуляться, а заодно и перекусить где-нибудь. Весь день из-за отсутствия аппетита, обходился чаем. К тому времени погода испортилась, сделалось хмуро и закапал дождик. Ну и пусть, упрямо подумал я, взял зонтик и вышел на улицу.

Гулял недолго, ноги сами собой привели к заведению с многообещающим названием «Стоп-сигнал».

Посижу немножко, решил я, покушаю артишоков, выпью стопочку коньяку, глядишь, и время пролетит.

* * *

«Просто подари мне один только взгляд, – гундосил на эстраде метросексуал в кудряшках, – и волшебный свой поцелуй подари...»

Забрел я сюда, буквально, на полчаса, но по странной случайности засиделся. В графинчике коньяку осталось на доньшке, зато мне, наконец, стало весело. Тарелка с рыбным ассорти была почти не тронута – аппетит так и не проснулся.

Гриль-бар пьяно гудел. Музыканты утомились терзать инструменты и сделали перерыв. Вспотевшие от танцев посетители рассаживались за столики.

Незнакомец появился словно из ниоткуда. Не успел я на несколько секунд отвлечься на разглядывание симпатичных девчонок за соседним столиком, как он уже сидит напротив и наливает в мою рюмку мой же коньяк из графинчика. Одет в неопрятный длинный плащ. Рыжие, как костер, волосы мокрые от дождя – значит, только что с улицы. Выцветшие прозрачные глаза, навывкате, неотрывно глядят на меня – словно ниткой привязаны. Боже у него еще и брови и ресницы рыжие. Как не стыдно быть таким мерзким? – подумалось мне с брезгливым сожалением.

Прочтя отразившуюся на моем лице гамму чувств, незваный гость заухал мефистофельским смехом, опрокинул в себя коньяк, бесцеремонно закусив последней маслиной, сплюнул косточку под стол и поинтересовался:

– Ну, что уставился как хер на бритву?

Экий наглец!

– Э-э... уважаемый, – холодно начал я, – вы ничего не перепутали?..

– Нет, – перебил он меня, – не перепутал. По твою душу я, гражданин Неверов, – и поскольку я растерялся и молчал, добавил глумливым тоном. – Ну что, грешный, дрожишь перед лицом вечности?

Я сидел и чувствовал, как струйки холодного пота текут по спине. С ними вместе меня покидали силы. Стекали по ножкам стула и впитывались в кафель. Неужели все-таки нашли? Но как? Я огляделся, ища глазами сообщников вне-

запного визитера, а сам стал примеряться к графинчику. Он хоть и небольшой, но тяжелый. Таким если дать по башке – мало не покажется.

Незнакомец перехватил мой взгляд и сменил тон.

– Нервный, да?

Нет – подумал я, – не похож он на киллера. Таких бомжеватых киллеров не бывает.

– У всех нервы, – примирительно сказал ржавый тип напротив, и по птичьи заглянул в пустой графин, – а не выпить ли нам по маленькой? Выпьем, закусим, погодка подходящая. Погодка, типа, займи и выпей. Давай не жмоться, угости коньячком, а то у меня денег ваших нет.

– Не имею привычки пить с незнакомцами, – упорствовал я.

– Так давай познакомимся. Тебя, как ты понял, я уже знаю: Феликс Константинович Неверов, потрепанный старый хрен, у которого все в прошлом. Сказать, когда умрешь? – и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Через год, шестнадцатого июля у тебя случится обширный инсульт. Позвонить в скорую будет некому, и ты, прежде чем умереть, пролежишь парализованный еще два дня на полу в кухне. Еще через неделю, соседка почувствует запах и вызовет полицию, – говоря все эти гадости, он продолжал пялиться на меня, прозрачными линзами глаз, будто изучал под микроскопом.

Наверное, надо все-таки врезать ему графином, – подумал

я, – но не врезал, а подозвал официанта и заказал еще полкило коньяку и вторую рюмку. Что-то подсказывало мне, что он не врет и не прикалывается.

– Ну, допустим... а ты сам-то, кто такой будешь, таинственный незнакомец?

Он прищурился, сразу став похожим на стервятника.

– Об этом нетрудно догадаться, в свете недавно произошедших с тобой событий. Кто может знать будущее? Ну, шевели мозгами! Все еще не всосал? Я твой коллега, Феликс Константинович. Пришелец из будущего!

– Ишь ты, – только и нашел, что сказать я и выпил не чокаясь.

Непрошенный собутыльник поспешил за мной. Несколько секунд, он с блаженным видом гонял во рту коньяк, затем глотнул и подождав, когда огненная жидкость стечет в желудок, удовлетворенно произнес:

– Пьем не чокаясь, как по покойнику, – и неожиданно добавил, – Жорж меня зовут, будем знакомы! – и разлил по новой. На этот раз мы тюкнулись стопками, но я все равно молчал, с неприязненным любопытством разглядывая этого «гостя из будущего». Был он весь какой-то грязноватый и пахло от него подвалом.

– Я уже лет пять ничего слаще технического спирта не пробовал, – продолжал вещать Жорж, не обращая внимания на мою неприязнь, – оттого и смакую твой клоповник. Коньяк с вином еще в первый год закончился, потом водяра.

Зато спиртяги море разлитое. Его, я думаю, мы не допьем... не успеем. Слушай, а будь другом, возьми покурить что-нибудь, душа просит!

Он буквально выхватил у меня из рук, принесенную официантом пачку «кента», сорвал целлофан, выбил сигарету и щелкнув пальцами, добыл из воздуха язычок пламени. Затаился в полсигареты, пыхнул дымом и сказал со значением:

– Слабенько, после махорки-то! Мы махорку у вояк на пятом складе вымениваем. Мы им спирт, они нам махорку...

– Из какого ты будущего, Жора?

– Две тысячи тридцать восьмой.

– И что там?

– Плохо там дружище Феликс. ППЦ, как говорили в дни моей молодости. – Жорж обиженно заморгал и следующей затажкой выкурив сигарету, сунул ее останки в пепельницу.

– И что, – не отставал я, – люди изобрели машину времени?

– Ха! Люди, скажешь тоже... что они могут изобрести? Айфон толщиной с ноготь, суперкомпьютер для игры в «го» и говорящий унитаз.

– Так что у вас случилось-то? Война что ли?

– Хуже, но сейчас не об этом. Давай лучше еще дернем по рюмке. А то время мое заканчивается – долго тебя пришлось искать в этом гадюшнике.

Дернули.

– Кто же все-таки тебя прислал? – продолжал интересо-

ваться я.

– Они.

– Кто, они?

– Просто ОНИ.

– Инопланетяне что ли?

– Да хер их знает, – отмахнулся Жорж, – может и инопланетяне. Они не представились.

– А что же эти, не пойми кто, вам не помогли?

– Так они позже прибыли... лет на двадцать. Когда помогать уже давно некому было. Сижу я тут с тобой... – внезапно спохватился Жорж, – а у меня переход... – он глянул на свое запястье, где без всяких часов бежали циферки секунд и совсем заторопился.

– А чего ты сам не прыгнул туда в семьдесят второй? – не отставал я.

– Дурак что ли? Меня в то время еще не существовало. Я родился в восемьдесят третьем, куда я прыгну? Обратное в пизду? Значит, про связь... Кота рыжего видел? Это не кот. Это вообще не живое существо, а способ связи между временными волнами... если ты его увидишь, это не просто так – постарайся понять, что от тебя хотят. Захочешь связаться со мной – просто скажи при нем. Мне передадут... – он хехекнул. – Все, я пошел... Ты, кстати, тоже сопли не жуй, портал откроется через полчаса. Сигареты забираю, ты все равно не куришь.

– Подожди, – я схватил его за рукав, – что мне делать-то?

– Обустраивайся, налаживай связи и помни, тебя туда послали не для того, чтоб бухать и баб трахать. По крайней мере, не только для этого. Между прочим, затраты энергии на один прыжок, сопоставимы с суточным излучением небольшой звезды. Оттого-то портал раз в сутки и открывается.

– А почему именно меня? – не отставал я.

– Ну а кого же еще? – хохотнул Жорж, – ведь ты, коллега, человек богатырского ума!

– Шутки шутим?

– Да я, честно говоря, и сам не знаю, почему. Не я ж тебя выбирал. Моей задачей было поставить портал в семьдесят второй и держать с тобой связь. Портал я поставил, связь держу, – Жорж еще раз глянул на время. – Ох, ушки-усики мои! Их обреют, а это так неприлично! Ладно, еще потрешим на эту тему, не последний раз видимся! А ты на досуге сам покумекай, почему именно тебя. Я так смекаю, вряд ли случайно. У них ничего случайно не бывает! Значит, только ты и сможешь это сделать.

– Да что сделать-то? – простонал я.

Не отвечая, он сунул сигаретную пачку в карман, допил коньяк прямо из горлышка, набил рот остатками ассорти и, подмигнув мне прозрачным глазом, поспешил к выходу.

Проводив глазами его долговязую фигуру, облаченную в бесформенный брезентовый плащ до пят и, оставшись один на один с пустой бутылкой, я закручинился и попросил счет.

Потом покачиваясь, брел по улице, под дождем, не рас-

крывая зонта, от фонаря к фонарю.

Значит если верить этому новоявленному оракулу, жить мне осталось не больше года, да еще надо сделать не пойми чего в оставшийся срок. Свинцовая тяжесть этого неожиданного знания давила на плечи и как-то даже расхотелось идти в портал. При таких раскладах стоит ли суетиться? Старая жизнь, с ее унылым постоянством, осыпалась неотвратимо, словно высохший песчаный домик. Будет ли новая?

Глава 4

Портал безропотно пропустил все мое барахло, и теперь я стоял в обнимку с сумкой, голый, абсолютно трезвый и немного ошалевший от мгновенного перемещения из ночи в солнечное утро. Стоял и озирался по сторонам.

Боже мой, как здесь пыльно и грязно! Организм был полон сил и требовал действий. Кинув вещи на диван, и распахнув окна, я включил радиоточку. Потом нашел в ванной тазик с тряпками и приступил к уборке. Передавали концерт «Песни комсомола», что пришлось как раз в жилу. «... Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым!» – орало радио. Вообще-то, обычно я ленив, но тут действовал с таким задорным энтузиазмом, словно смывал грязь с собственного давно не мытого тела.

«Комсомольцы-добровольцы, мы сильны нашей верною дружбой!..» – голоса вслед за радио, тщательно протер все горизонтальные поверхности, затем принялся за пол. Через час все в квартире сверкало и дышало свежестью от разбрызганного дезодоранта, а я обливался потом, словно выбрался из парной – жарница стояла прямо с утра. Окна, конечно, тоже следовало помыть, но на это моего энтузиазма уже не хватило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.